

Владимир Зенков

16+

Конфликт

Владимир Васильевич Зенков

Конфликт

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42954143

SelfPub; 2019

Аннотация

Человек плохо ведает что он творит. Даже отчетливое ощущение того, что он делает очень важное дело, необходимое для развития и процветания целой планеты, может оказаться трагическим заблуждением и привести, увы, к смерти. Причем в последнюю минуту вполне разумный человек и истинный благодетель начинает понимать: нельзя вмешиваться в дела Всевышнего, мелко ты еще плаваешь, дружок! А вот коллеги твои, которых ты считал, скажем так, не слишком умными, вынуждены останавливать тебя, здорово рискуя жизнью собственной.

Конфликт

В низком зале, окруженном мраморной колоннадой, было душно, устоялся кислый запах вина и многочисленных блюд с едой. Духоту усиливал благовонный дым курильниц, он плыл в спертom воздухе плотными серо-голубыми слоями. В нем расплывались и дрожали огни многочисленных масляных ламп, красновато мерцали, скудно освещая пиршественный стол и сидящих за ним людей. Невидимая в полумраке копоть поднималась к потолку, безжалостно покрывая драгоценные расписные плафоны.

Веселье было в разгаре. Проворные виночерпии в белых хитонах шныряли вдоль столов с большими кувшинами, неустанно подливая в кубки харсейское и караклинское, душано и золотистый аникс, крепленный драгоценной живой водой. Вышколенные рабы столовой прислуги, в голубых, приличных, ниже колен, рубахах, не успевали подтаскивать оловянные и медные, тонкой работы, блюда с горами жареного мяса, колбас, деликатесных овощей, моллюсков, рыбы. Двое из них, пыхтя, несли огромный поднос с медовым пирогом в виде круглого храма Ан-Кумат. Румяная корочка удивительно точно воспроизводила колоннаду здания.

В дальнем конце стола, на возвышении, стояло резное кресло черного дерева, выложенное мелким речным жемчугом. Император Астурос Счастливый, преемник Посланника, вытянув на столе сжатые в кулаки руки, покрасневший-

ся и веселый, с удовольствием смотрел на пирующих. Обычно жесткое и подозрительное лицо его смягчилось, расплылось. На нем проступили, незаметные в будни, простоватость и добродушие.

Пировали по случаю восстановления императорского дворца. Только-только убежали мимы и акробаты, оставив после себя колеблющиеся огоньки ламп. Гости подпили изрядно. Кто-то уже затянул медвежьим голосом боевую песню. Не в силах выносить такую пытку, сосед поющего закричал:

– Архона, Архона сюда, пусть споет.

Астурос сделал лицо важным и значительным: отчего бы еще раз не послушать о своих великих подвигах. Несколько неуклюже сделал царственный жест – не привык еще, не научился. Хотя ежедневно по два часа с ним занимались двое рабов, специалистов по этикету, дело шло туговато. Не так-то просто вытравить из себя сотника портовой стражи.

Архон, не старый еще, но тощий и скрюченный, жадно поедал маринованных моллюсков – деликатнейшую пищу. Повинуясь жесту императора, вскочил, торопливо вытер грязные руки о седые неряшливые патлы. Бережно развернул зеленый шелковый платок, извлек из него лакированное, зацветившееся дорогим красным деревом, тело конфура. Долго возился, пристраивая его на коленях, потом перебрал струны. Они зазвенели нежно и сильно среди затихающего шума. Неожиданно красивым и мощным баритоном Архон

запел:

Когда созрела винная гроздь,
Когда жгучий Дерхон высушил головы мужчин,
И наполнил истомой и желанием сердца женщин,
Появилась в небе падающая звезда.

Гром ее поколебал землю древнего Астура.
Гнев Вышних сжег Гортонскую рощу –
Приют нечестивых и безбожных философов.
Боги вышли из пламени, велики ростом и светловолосы.

Милость их простерлась на бескрайний Астур.
Но сколь велик и разумен Астурос Счастливым,
Столь ничтожна, глупа, злонамеренна челядь
Почившего в славе Каргола.

Низки и мерзостны помыслы были презренного Корсу,
И в сонме светлых богов воцарились раздор и несчастье...

Файл 015 Arh.CS.GB

Патрик Роджер О,Ливи, 35 лет, десантник, капитан Корпуса дальней разведки Соединенного Британского королевства. Родом из города Дроэда. Отец – служащий транспортной компании «Лео», мать домохозяйка. Холост. Окончил Лондонскую Космическую академию. Сестра, Патриция Уормикс, замужем, домохозяйка, двое детей.

Высадка на Фроннере (класс «гуманоидные цивилизации»). Уровень развития социума – выше земного. Принцип развития живого на Фроннере аналогичен земному – борьба видов. Высокоразвитая цивилизация, в полной мере осознавшая суть жизни, ее смысл и уникальность и защищающая эту жизнь всеми доступными средствами.

Земная экспедиция, в силу недостаточного развития философской мысли, не смогла правильно спланировать линию поведения своих представителей, получила жесточайший отпор и погибла почти в полном составе. Из сорока человек в живых остались двое – младший пилот Патрик О’Ливи и филолог экспедиции Франсуа Лернэ.

Вторая высадка на Торрене-2, планете с бурно развитой жизнью, животной и растительной. Примитивная гуманоидная цивилизация на родоплеменном уровне. Нештатные ситуации: стычка с племенами, обитающими в лесостепной зоне северо-восточной части основного континента.

Заключение практической комиссии: Патрик О’Ливи – человек с сильным, но неуравновешенным характером. Отлично чувствует себя в острых ситуациях, мгновенно принимает единственно верные решения и так же быстро приводит их в исполнение.

При высадке на Фроннере он был оставлен в резерве, и только благодаря его быстрым и решительным действиям удалось спасти Франсуа Лернэ. Во втором случае из-за мягкотелости и нерешительности руководителя группы бы-

ли поставлены в тяжелое положение 15 человек. О'Ливи проявил редкостную самостоятельность и бескомпромиссность, отстранив старшего группы и взяв на себя командование. Люди были спасены.

О'Ливи несдержан, обладает обостренным чувством справедливости. В отношениях с начальством резок и независим. Начисто лишен стремления делать карьеру. В силу склонности к острым ситуациям стремится создавать их.

Рекомендации: Патрик О'Ливи должен быть использован в особенно серьезных ситуациях, требующих мгновенных и радикальных решений.

Патрик О'Ливи усталый нос в темноту, клубившуюся за остеклением кабины. По худому, с впалыми щеками лицу, стиснутому защитным шлемом, бегали цветные блики от дисплеев приборной доски. Патрик перевел взгляд на покачивающееся изображение красно-синего шарика авиагоризонта, потом на бегущие цифры вариометра. Считывающий автомат монотонно бубнил:

– Вертикальная скорость снижения пятнадцать метров в секунду. Высота пять тысяч метров, путевая скорость шестьсот километров в час, нагрузка на глайдере двадцать процентов. Шесть с половиной тысяч оборотов маршевого двигателя, остаток топлива восемьдесят процентов.

В кабине тяжелого десантного бота тесно, пахнет нагретой изоляцией, немного нитролаком и пластиковой обивкой. Рядом с Патриком, на месте второго пилота Петер Хольман, грузный, добродушный, ворочается и вздыхает: ему тесно в узком кресле. Рассеянно поглядывает на гармошку аэрофотоснимков и путевой курсограф.

– Патрик, доверните три градуса влево.

О’Ливи, прищурив один глаз, закладывает сумасшедший вираж, перегрузка вдавливают всех в кресла. На курсографе вспыхивает алый транспарант «Тревога», коротко взрывается сирена, считывающий автомат злобно кричит:

– Внимание! Грубая ошибка – недопустимое отклонение от курса!

Хольман рассерженно бурчит:

– Патрик, вы с ума сошли!

Конопатая физиономия расплывается в довольной улыбке:

– Что, толстяк, жирок побеспокоили?

Сзади раздаётся негромкий голос Шатрова:

– О’Ливи, кончайте дурить, немедленно на курс.

Ирландец мгновенно выправляет тяжелую машину, зевает и ворчит:

– Скучно, шеф. Ползем как на катафалке.

На приборной доске мигает транспарант, коротко гудит зуммер маркера. Автомат, словно дворецкий, торжественно провозглашает:

– Приготовиться к посадке!

О’Ливи командует:

– Ратнер, на место! Экипаж, садимся.

Ловкий и легкий Ратнер, повернув кресло от пульта энергетика, перебирается на откидное сиденье перед постом управления двигателями, кладет руки на сектора.

Стадвдцатитонная махина бота медленно ползет над рощей, маршевый двигатель звенит на малых оборотах. На концах крыльев вертикально поднимаются посадочные двигатели. В уши назойливо лезет голос считывающего автомата:

– Восемьсот оборотов маршевого двигателя, шесть с половиной тысяч на посадочных. Нагрузка на глайдере девяносто процентов, путевая скорость тридцать километров в час, вертикальная скорость снижения полтора метра в секунду...

Ратнер, сидя между пилотами, осторожно работает секторами. О’Ливи через бортовой блистер напряженно всматривается в бешено струящуюся под выхлопами посадочных двигателей серо-зеленую массу листвы. Ослепительный свет фар наплывает на обширную поляну...

Никто ничего не успел понять. Стекла кабины вспыхивают ярким фиолетовым светом, огромную машину встряхивает и ощутимо подбрасывает вверх. Как всегда, быстрее всех среагировал ирландец: его рука ложится поверх рук Ратнера и мгновенно подает вперед сектор маршевого двигателя. Одновременно пальцы рвут скобу аварийного возврата посадочных. С громовым низким ревом, от которого дрожит зем-

ля, остроносая махина бота уходит почти вертикально вверх, исчезает в ночном небе тусклый свет выхлопа. Пылают во всю силу горящие деревья, и в панике уносится от пожара зверье.

Перегрузка надежно уложила всех в кресла. Беднягу Ратнера вырвало из сиденья, он перевернулся в воздухе и въехал в дверь пассажирского отсека вначале ногами, потом головой и затих, скрючившись на переборке.

На высоте двадцати километров опомнившийся Шатров командует:

– Довольно, Патрик. Переводите машину в горизонт и включайте малую орбиту. Мы и так уже черт знает, куда залетели.

О’Ливи плавно переводит бот в горизонт, возвращаются на место чудовищно отвисшие щеки, руки вновь приобретают способность двигаться. Тело Ратнера медленно сползает с переборки на пол, тут же Роберт Полянски, чертыхаясь, выбирается из кресла и выгребает содержимое аптечки на пол. Ловко стаскивает шлем, расстегивает молнии комбинезона. Ощупывает руки, ноги, подносит к лицу тампон с нашатырем. Ратнер тяжело вздыхает, мучительно кашляет. Шатров раздраженно барабанит пальцами по краю приборной консоли.

– Что там с ним, Роберт?

– Нормально, шеф. Нос расквасил, ушибы. Шлем выру-

чил, а то бы мозги растеклись по переборке.

Пришедший в себя Ратнер выдавливает сквозь кашель:

– Хренов ирландец, вот скотина...

О'Ливи равнодушно говорит:

– Когда работаешь на секторах, сынок, надо поднимать спинку сиденья. Красный рычаг слева для кого торчит?

Добродушный Хольман гасит конфликт:

– Не обижайтесь, Алекс. Патрик прав, в нашей работе нужно быть готовым ко всему на свете и каждую секунду. А кстати, коллеги, что это было?

Полянски наклоняется над своим пультом, мягкий зеленоватый свет выхватывает из полумрака его нежное лицо:

– Я успел включить анализаторы. Наличие в воздухе огромного количества эфирных масел.

Патрик издает замысловатый свист:

– Вот оно что. Ароматические растения. На Земле, говорят, есть такие. Помните неопалимую купину?

Шатров закричал:

– В отличие от неопалимой купины роща сгорела дотла. Черт, вот фейерверк устроили. Тоже мне, явились скрытно и тайно.

Хольман рассудительно говорит:

– Наплюйте, шеф. Кто же мог предусмотреть такое? Одной легендой больше, одной меньше. Все равно грохот нашей кастрюли полпланеты слышало. Не везет нашему «Тайфуна»: уже почти все более или менее серьезные коробки

обзавелись полными глайдерами, а на нас все экономят.

Он наклоняется к компьютеру:

– Смотрите, ребята, – толстый палец тычет в экран, – здесь, у отрогов гористого плато, в речном дефилейчике есть уютное местечко. Никто нас там не увидит – место глухое. Включим «хамелеон», замаскируем кастрюльку и заживем как в сказке.

Он мечтательно вздыхает:

– Искупаемся, позагораем. Ребята, чем не Швейцария? За такую работу денежки надо платить, а не получать.

Шатров, перегнувшись в кресле, долго рассматривает картинки на дисплее, промеряет навигатором расстояния.

– Далековато, полста километров от города.

– Хольман с энтузиазмом говорит:

– А ничего, шеф! На платформе подбросим поближе наблюдательную капсулу, поднимем мачту с камерой, да и будем себе посматривать. А понадобится крупноплановая съемка – запустим зонд.

После недолгого размышления Шатров командует:

– Задавайте курс, Хольман. Патрик, поехали.

Тяжелая туша бота зависла над пологим берегом реки. Заревели натужно посадочные двигатели, взлетели из травы тучи прошлогоднего праха, машина грузно осела на стойках шасси и наступила тишина.

Потрескивал звонко остывающий металл двигателей, где-то в утробе заканчивали свою работу роторы гироскопов, за-

бирая все ниже и басовитей. Экипаж поспешно проводил послеполетный ритуал, отключая системы и агрегаты. В тишине раздалось шипение уравнивателя воздушного давления, и на табло выскочила веселая зелененькая надпись: «Полет закончен. Кабина разгерметизирована».

О'Ливи открыл боковую форточку. Массивная рама, чмокнув уплотнителями, отъехала в сторону, и из непроглядной оконной черноты дохнуло густым пряным настоем диковинных трав. Несколько секунд все молча смотрели друг на друга. В резком свете потолочного плафона лица казались постаревшими и изможденными.

Хольман засуетился:

– Ну что, шеф, палаточку?

Шатров отрезал, открывая дверь пассажирского отсека:

– Никаких палаток. Поставить охранное поле, принять душ и всем немедленно спать.

Хольман разочарованно защелкал тумблерами охранного пульта.

Горное плато, поросшее косматыми лесами, уходило вдаль. На горизонте сине-зеленая поверхность его сливалась с туманно-голубой дымкой небес.

Каменистые отроги плато, иссеченные вертикальными складками, поднимались колоссальной стеной. По ней мед-

лительно ниспадали нити многочисленных водопадов. Они сходились и расходились среди пышной ползучей растительности, зеленой пены кустарников, корявых деревьев с плоскими кронами, лепившихся на скалах. Ниже вся огромная масса воды низвергалась в каменную купель реки, радуга пронизывала облака водяной пыли.

Низменный берег порос невысокими кудрявыми деревьями. Нежная зелень их, озолоченная солнцем, была ярка, радостна – хотелось погладить ее рукой. Заливные луга с сочной травой усыпаны колками серо-зеленого кустарника, испятнанными мелкими бело-фиолетовыми цветами.

Пятеро долго стояли очарованные на треугольной плоскости крыла, усыпанной щедрой росой. Остроносое титановое тело бота, изъеденное эрозией и испятнанное побежалостью, улеглось в неглубокой лощине.

О’Ливи толкнул в бок Хольмана:

– Ну что, толстяк, вот картина, а? Здесь бы замок соорудить, да и жить бы в таком орлином гнезде.

Хольман покачал головой:

– Нет, друг мой. Это пейзаж для страстного ирландца. Другое дело – скромное шале где-нибудь в очаровательных горах Тюрингии. Маленький садик, немножко тюльпанов, – он подкатил глаза и сладко вздохнул, – вечером трубочка и неспешная болтовня с путником.

Полянски удивился:

– Черт возьми, Петер! Вы же не курите.

Хольман пообещал:

– Я закурю, Роберт.

Закряхтев, стал протискиваться в узкое отверстие аварийного люка.

– Нет-нет, ребятки, такая картина не для меня, – голос его превратился в невнятное бормотание и умолк. Потом донесся снизу – он спускался из фюзеляжа по люк-трапу:

– Я на такое величие могу посмотреть изредка. А жить среди него – увольте.

Он задрал к стоящим на крыле благожелательную розовую физиономию:

– На зарядку, ребятки, – и стал стаскивать с себя комбинезон.

Глубоко задумавшийся Шатров очнулся:

– Да, коллеги, пошли, разомнемся.

Заметно хекающий Хольман аккуратно приседал. О’Ливи развалился на крыле и, подперев подбородок руками, давал ему советы.

Шатров деревянным голосом произнес:

– Патрик, хотите пари на месячную зарплату – я отожмусь больше вас?

Хольман поспешно проговорил:

– Наплюйте на него шеф. И боже упаси с ним вязаться – он легко отжимается двести раз.

Ратнер, приседая, скручиваясь пружиной, стоя на руках, потрясенно думал:

– Какой край, какая дивная красота! И принадлежит все это болвану в грязном красном хитоне с золотой вышивкой.

Файл 0200 Arh. FS. GB

Александр Ратнер – бельгиец немецкого происхождения. Родом из Брабанта (г. Вилворде). Отец – Фридрих фон Ратнер, владелец крупного поместья неподалеку от Левен-Тинена, погиб при взрыве пассажирского глайдера. Мать – Анжелика фон Ратнер (урожденная Штаунбах) находилась в связи с председателем попечительского совета, которому, по завещанию Фридриха фон Ратнера, было доверено управление имуществом до достижения Александром совершеннолетия. В результате финансовых махинаций Пьер Даву присвоил основную часть имущества Ратнеров.

Анжелика замужем в Соединенных Штатах. Александр, перенесший душевную травму в результате смерти отца, поступил в католический коллеж. На втором курсе у него возникли серьезные трения с руководством коллежа.

Как объяснил Александр, смысл естественных наук, преподаваемых в коллеже, вступал в полное противоречие с богословскими дисциплинами.

Александр поступил в Парижскую Космическую Академию и закончил факультет навигации. Работал на внутрисистемных линиях пилотом, старшим пилотом, затем вторым помощником. С людьми сходится трудно, замкнут, впечатлителен. При этом чрезвычайно настойчив и упорен в пости-

жении профессии. В Академии в совершенстве постиг боевые искусства, в спортивных схватках агрессивен и безжалостен.

Бросил хорошо оплачиваемую работу на коммерческой линии, был принят в Корпус внешней разведки вторым пилотом. Профессионал высокой квалификации, в совершенстве владеет пилотированием всех транспортным систем, находящихся на вооружении Космического корпуса.

Год назад подал рапорт о зачислении в десантную группу. Был зачислен, сильно потеряв в должности и звании. Сержант, десантник. Заочно изучает общую лингвистику и историю внеземных цивилизаций. В отношениях с коллегами сух, корректен, к начальству равнодушен.

Выводы практической комиссии: Александр Ратнер находится в стадии интенсивной стажировки, не рекомендуется доверять ему самостоятельных заданий.

Мягкий и сильный свет потолочного плафона падал на массивный письменный стол, эффектно освещал изысканно худую фигуру отца Доменика в белой сутане и белой ермолке, прикрывающей тонзуру. Углы кабинета, обшитого дубовыми панелями, тонули в полумраке. Золотисто-зеленоватый блик мерцал на поверхности старинного глобуса. Справа на стене скромно пристроился экран мощного УАСа. Слева – неярко подсвеченная голограмма, изображающая распято-

го Иисуса. Лицо актера, снятого в роли Спасителя, благостно-возвышенно. Декоративная кровь на челе под терновым венцом, выглядела даже привлекательно. Все это было до того ненатурально, что Александр сморщился как от зубной боли.

С едкой ненавистью подумал:

– Загнуть бы тебе в запястья и ноги здоровенные железные костыли, да подвесить на них подышать на солнцепеке – посмотрел бы я, какая у тебя была бы благостная физиономия. И до чего же святые отцы обожают всякую пошлятину.

Отец Доменик сложил тонкие пальцы шалашиком и тонко улыбнулся Александру.

– Сын мой, вы меня опять огорчаете. Теперь у вас конфликт с отцом Августином. Вы не находите, м-м... что это становится слишком частым? О да, конечно, мы допускаем некоторую фронду – молодость есть молодость, но всему же есть предел.

Александр набычившись смотрел на патера:

– Святой отец, преподобный Августин не смог ответить на самые элементарные детские вопросы.

Доменик поджал губы, лицо его стало жестким:

– Вопросы, которые вы задаете преподавателям, отнюдь не детские. Вы, как неразумный ребенок, пытаетесь сломать самый сложный механизм, чтобы посмотреть, как он устроен. Но понять его устройство вы не в силах, поскольку ваш разум ограничен. До вас это пытались сделать многочисленные

критики. Имя им – легион, но толку от их трудов никакого. Люди верили и продолжают верить. И Церкви нужны верующие пастыри, а не аналитики религии. Я не корю вас – истинная вера дается немногим. Давно присматриваюсь к вам: вы сильный человек уже даже потому, что открыто выражаете свои сомнения. Но... – Доменик слегка наклонился вперед и мягко сказал:

– Я думаю, вам стоит оставить коллеж. Ступайте в мир, займитесь делом, которое вам по душе. Как знать, может к вам придет настоящая вера. Но до тех пор ваше присутствие здесь, простите, нежелательно. Ступайте с миром, сын мой.

Отец Доменик был неправ: Алекс вовсе не считал себя сильным человеком. Более того, он ненавидел сильных людей, их уверенность в себе, их дорогу, по которой они следовали, не ведая и тени сомнений. У них-то все получалось гладко. Они окружали его на каждом шагу: веселые мускулистые парни с темпераментом стоялых жеребцов в Академии. Вылощенные шикарные офицеры на туристических лайнерах внутрисистемных линий. Каждое их появление среди пассажиров было событием: с таинственных служебных палуб спускались стройные мужчины в невероятно элегантных мундирах – уверенные в себе небожители, иронично-благожелательные и изысканно-вежливые. Молодые девчонки начинали интенсивную стрельбу глазками. Дамы при возрасте действовали круче: хлопались в декоративные обморо-

ки, требуя немедленного вмешательства господина офицера.

А совместные обеды пассажиров и офицеров экипажа на круизных рейсах: серебро сервизов на белоснежных ска-тертях, мерцание свечей в хрустале. Ослепительно-белые, с золотым шитьем мундиры офицеров, невероятные туалеты дам.

Фрачные мужья снисходительно посматривали на флир-тующих жен: здесь они были самые сильные. Им принадле-жало все – и огромный, невероятно сложный лайнер, и все эти фазаны в мундирах. Для них работали сотни тысяч пред-приятий в Системе, для них поисковики рыскали по Галак-тике в поисках новых перспективных планет. Для них де-сантники тонули в ядовитых болотах этих планет, дрались с местным населением, приобретая славу свирепых и безжа-лостных завоевателей. Для них шли сухогрузы с неведомы-ми минералами, трюмы набивались контейнерами с новыми внетабличными элементами.

Алексу становилось худо от этого изобилия сильных лич-ностей, он ощущал себя маленьким и заброшенным. В памя-ти постоянно всплывала развеселая харя Пьера Даву, при-своившего деньги и имущество Алекса – огромные планта-ции по выращиванию овощей и фруктов, единственной ин-дустрии, которая разрешалась на Земле. Все остальное дав-но уже размещалось в Системе. Тоже сильная личность, при-своить такие капиталы – голову надо иметь. И все это из-за глупой старой курицы – матери. Алекс не выносил ее также

как отец. Впрочем, все это было взаимно.

Отец – вот о чьей гибели Алекс глубоко и искренне горевал. Внешне предельно закрытый для всех, жесткий и нетерпимый, он был в глубине души чистым ребенком. С восторгом говорил о новых сортах редкостных овощей и фруктов, часами копался на личном экспериментальном участке. Немного стеснялся своего занятия, несвойственного Ратнерам, роду государственных чиновников и военных. Страшно гордился своими способностями к технике, которые унаследовал и Александр: «Я ее чую, понимаю всеми потрохами».

У отца был целый парк глайдеров. Летом они улетали на глухие пляжи Нормандии или Балтийского побережья, (отец не выносил Юга). Жарили настоящее мясо на настоящих углях, дырявили пустые пивные банки из старинной пулевой винтовки, или жгли их из бластера. Гоняли мяч, ныряли с аквалангами в прохладные серо-голубые воды. И разговаривали, разговаривали... Отец читал ему древнегерманский эпос, увлеченно рассказывал о богах и героях. Зимой, где-нибудь на побережье Норвегии, они, подражая германским воинам, нагишом скатывались на пластиковых щитах с ледяных гор. При этом нужно было хохотать во всю глотку.

После первого такого спуска отец долго оттирал Алекса в салоне глайдера спиртом. Потом, однако, тот вошел во вкус и начал находить в этом странное удовольствие, что, безусловно, пошло ему на пользу.

Ах, отец, отец! После его смерти словно кто-то вырвал

большую и лучшую часть его души.

Алекс глубоко вздохнул, отвлекаясь от невеселых мыслей. Снял бленды с мощного биноктара, из баллончика обдул сжатым воздухом огромные, отливающие янтарем линзы, и стал устанавливать его на штатив. На вершине невысокого холма подувал ветерок, шевелил листья приземистых корявых деревьев. Рядом у наблюдательной капсулы возился Хольман. Споткнулся о растяжку мачты, зачертыхался. Потом, словно медведь в малинник, ввалился в тесное помещение, стал настраивать аппаратуру наблюдения. Мачта и капсула, окрашенные маскирующей краской «Хамелеон», уже в пятидесяти шагах становились совершенно неразличимы.

Хольман весело крикнул:

– Камрад Ратнер, аппаратура готова!

– Хорошо, спасибо Хольман. Поставьте на автомат, я наблюдаю через биноктар.

Ишь ты, «камрад». Хольман явно питал к нему определенное почтение как к представителю старинного немецкого рода. Впрочем, он был славный человек. Ратнер испытывал к нему даже нечто вроде симпатии.

Алекс не любил телесистемы наблюдения. На редкость яркое и четкое изображение, прошедшее через электронные потроха, теряло жизнь, воспринималось как картинка. То ли дело – старые добрые линзы.

Город возвышался на холме у широкой полноводной реки, в самом ее устье. Километрах в пяти, ниже по течению,

накатываясь на широкую береговую полосу, шумели волны моря.

На самой вершине холма – императорский дворец из сероватого с красными искрами камня. Гармоничные здания, окруженные колоннадами, поразительно напоминали греческие и римские постройки Земли. В купах пышной зелени, уступами по склону холма спускались богатые кварталы, сменяясь глинобитными лачугами бедняков.

Наблюдательный пост находился как раз напротив порта: по широкому заливу, словно медлительные жуки-водомерки, скользили гребные суда. У пирсов теснились корабли всех мыслимых форм и размеров. Алые, белые, синие, желтые паруса богатых судов вспыхивали радостными пятнами на фоне зеленоватой глади. У берега грязной пеной качались рыбацкие суденышки с просмоленными тряпками на мачтах.

Алекс прильнул к окулярам биноктара, стал медленно вращать кремальеру. Ух, ты, какая фигура: здоровенный, в алой рубахе до колен, в медном, низком шишаке и с такой же медной рожей. Стоя на корме галеры, закинулся – видно орал что-то широко разинутым ртом. А вот голый по пояс, жилистый, словно сплетенный из стальных тросов, тянет какой-то фал. Важная военная персона: в панцире из толстой кожи, усеянном серебряными бляхами, в синей длинной тунике, надвинул важно на нос, сияющий медный шлем и угрожающе положил руку на рукоять короткого кривого меча.

Почти голые рабы, перетаскивающие по сходням огромные глиняные кувшины, неспешные портовые чиновники в желтых одеяниях, степенные купцы в хитонах из дорогих тканей, портовые оборванцы, шлюхи с обнаженными грудями – какая могучая, яркая и выразительная жизнь!

Алекс с трудом оторвался от биноктара. Что-то холодненькое зашевелилось внутри, какая-то странная догадка просилась наружу. Мир этот совершенно очаровал его, но нельзя сказать, чтобы присутствие земной экспедиции здесь нравилось ему.

Вчера он увидел императорский выезд. Наблюдать его пришлось по телесистеме, она давала более крупное увеличение и позволяла легко менять планы.

На обширном, вымощенном каменными плитами, плацу был выстроен почетный караул: три «коробки» двадцать на двадцать воинов. Они стояли, соблюдая почти идеальное равнение – маленький зонд позволял взглянуть на это зрелище сверху. Каждая «коробка» в одежде своего цвета: синей, желтой и алой.

Воины в толстых кожаных панцирях, усыпанных железными пластинками, офицеры в сияющих медных кирасах и шлемах с плюмажами. У всех короткие мечи, у солдат еще и недлинные копья. По неслышному сигналу офицеры отсалютовали мечами, начались сложные перестроения. Выполнялись они на редкость согласованно. Вероятно, воинское искусство было здесь на высоте – существовал воинский строй

и управлялся он безупречно.

Из темноты колоннады, весь ослепительно белый, с широкой синей каймой по краю замысловатой драпировки, и с венком из синих крупных цветов на черной курчавой голове, появился император – низенький толстый господин. Выражение лица его, украшенного крючковатым носом и толстыми губами, поразило Алекса – совершенно плутовское и простонародное. Он темпераментно жестикулировал, обращаясь к своей пышной свите. Судя по напряженным и слегка презрительным лицам придворных, он им здорово не нравился. Но императору было, видимо, наплевать на это. Неуклюже, как последняя деревенщина, он взобрался на золоченую колесницу, и кортеж втянулся в ворота.

Эге, – размышлял Ратнер, – царек-то, похоже, временщик – даже отсюда видно. У них, скорее всего, какие-то нелады во власти.

Вечером он доложил Шатрову о виденном. Тот задумался. Хольман возился у потрескивающего костерка, разогревая мясные консервы. О’Ливи, балагурия, вскрывал банки. «Сладкая парочка» интенсивно использовала для отдыха каждую свободную минуту. Полянски, в слабо освещенной кабине бота, возился с сервоприводами грузового люка. Створки его с урчанием разошлись, и из брюха машины опустилась, блеснув остеклением, чечевица боевого глайдера, мгновенно покрывшись камуфляжными пятнами. Полянски, высунувшись в открытую форточку кабины, крик-

нул:

– Петер, отгони глайдер в сторону, мне надо люк закрыть!
Хольман, вытирая руки салфеткой, с готовностью затрусил к машине.

Шатров крикнул:

– Роберт, спуститесь вниз, надо посоветоваться!

– Сию минуту, шеф. Только люк закрою.

Шатров коротко доложил о выводах Ратнера.

– Что будем делать, джентльмены?

О’Ливи пожал плечами:

– Как что? Выполнять приказ: внедриться и произвести разведку на месте.

Полянски раздраженно стегал прутиком по высокому ботинку:

– Приказ, конечно, есть приказ, но я абсолютно не представляю на кой черт, простите шеф, нас сюда послали. Изучать цивилизацию? Но среди нас нет ученых, мы обыкновенные костоломы. Устанавливать контакты? Для этого есть Комиссия по контактам. Шеф, мы не дети, прекрасно понимаем, что вся работа сейчас идет на орбите. С «Тайфуна» планетологи зондируют этот Астур, ищут редкие минералы и внепланетные. Главам корпораций глубоко наплевать на все цивилизации вместе взятые, кроме своей, конечно. Слабее нас – дадим по морде и заберем, что нам надо. Сильнее нас – получим сами и больше не сунемся. Вот и вся философия. А нашу группу послали так, без определенной цели, для от-

мазки.

Нагрянет с ревизией чиновник из Комиссии по контактам, который, кстати, не хуже нашего начальства понимает эту философию, а ему отчет. Вот, пожалуйста, исследовательский минимум провели, обстановку изучили на месте. Документы и видеосъемка прилагаются. А он скажет: молодцы, с задачей справились. Не здорово там нашкодничали?

Наша группа – крошечная бюрократическая закорючка, микроскопическая уступка, якобы, общественному мнению. Хотя кого оно когда волновало это общественное мнение? Да и есть ли оно вообще?

Шатров вздохнул:

– Успокойтесь, Роберт. Множество военных во все времена задавали себе подобные вопросы: на хрена кому это нужно? Мы не исключение, поэтому, следуя мудрому совету Патрика, будем внедряться. Вопрос в том – кто пойдет? Я не могу, поскольку мне, как командиру, отдуваться за все на свете. Хольман крайне необходим здесь, без связи мы не можем остаться. Роберт, извините, вы хотя и назвали себя костоломом, но до этого почетного звания вам расти и расти. Патрик не подпадает ни под один тип, существующий на планете, похоже, здесь вообще нет рыжих. Остается Ратнер, – Шатров вопреки себе, замялся так ощутимо, что всем стало неловко.

Проницательный Хольман поспешил сказать:

– Не волнуйтесь, шеф, мы все читали свои характери-

ки и рекомендации Практической комиссии. Такие пустяковые коды может взломать даже ребенок.

О'Ливи хохотнул:

– Хотите, шеф, дадим вам почитать вашу характеристику?

Шатров мрачно пробурчал:

– Вот прохвосты! – и, повернувшись к Ратнеру, – готовьтесь, Алекс. Роберт, вам два дня на шлифовку языка, поработайте с ним как, следует.

Выкатив налитые кровью глаза, уставя вперед, как боевой таран, могучий нос на тощей физиономии, Гастон Девиль, начальник курса, захлебывался трескучей скороговоркой:

– Это неслыханно! За всю историю нашей Академии это второй случай, когда третьекурсник нализуется до такой степени, что не может попасть пальцем в опознаватель!

– Ага, – мрачно думал третьекурсник Алекс Ратнер, – а в первом случае до такой степени ты нализался сам.

Тощий, носатый, с воинственным седым хохолком, Девиль поразительно напоминал рассерженного петуха, оправдывая свою кличку – Шантеклер.

– Черт возьми, Ратнер, вы же не в училище по подготовке докеров, вы в Космической Академии. Спиртное космонавтам запрещено безусловно. Мы закрываем глаза на употребление старшекурсниками легких горячительных напитков – организм нуждается в поднятии тонуса. Но надираться таким образом... Хотите взглянуть на себя, я вам пока-

жу пленку, которую приложил к своему рапорту начальник внутренней службы. Это потрясающее зрелище, – Шантеклер помахал несколькими листками бумаги.

Опрохвостившийся курсант Ратнер сидел молча, внутренне сжавшись в болезненный комок. Ему было мучительно стыдно. Стыдно не перед Девилем, плевать он хотел на этого ошипанного безмозглого петуха. Ему было стыдно вообще. Он знал, откуда взялся этот выбрык. То, что у других было совершенно естественным жизненным проявлением, Алексу давалось с огромным трудом, ценой невероятных душевных усилий. Например, эта неожиданная пьянка: любой из его сокурсников, проштрафившийся таким образом, через час забыл бы об этом. Алекс же и сейчас не мог избавиться от страха и стыда – мучительная похмельная депрессия превратила его в кучу нервного хлама.

И это при всем том, что ему удавалось производить впечатление жесткого и целеустремленного человека. Тяжкая и мучительная работа над собой давала знать – подсознание активно сопротивлялось нажиму и выкинуло, наконец, такой фортель.

Алекс, даже не переодевшись в штатское, отправился в турне по барам, хотя не имел к спиртному никакой склонности. Временами сознание отключалось, и он не мог вспомнить, что было в этих провалах.

Он вспомнил безумно дорогое кафе где-то в старом городе: улочка едва ли в пять метров шириной, замощенная свер-

кающими изразцами. Столики под крахмальными скатертями, кокетливые бордюры из живых цветов на крошечных балкончиках. И надменные, враждебные лица посетителей, сидевших за столиками на улице. Еще бы, среди этих крупных рантье никогда не появлялись пьяные курсанты Космической Академии, да еще в форме с многочисленными нашивками и шевронами. А еще с именем и фамилией над правым карманом.

Плохо ворочающимся языком он спросил у ближайшего соседа, где здесь туалет. Тот молча ткнул пальцем за угол: прямо к стене старинного особняка были прилеплены каменные писсуары – самая яркая приманка для туристов.

Алекс едва успел добежать до каменной чашки. Стоял блаженно задрав голову, таращась на лепной карниз. Совсем рядом, за углом, раздался пронзительный женский крик, в котором смешались страх и возмущение. Вот наказание, помочиться со вкусом не дают. Чертыхнувшись, он потащился за угол.

Два совершенно одинаковых голенастых парня с блудливыми глазами обрабатывали импозантную даму бальзаковского возраста, элегантно и дорого одетую. Один сзади придушил ее за шею, второй рвал роскошную сумочку на толстой цепочке. Цепочка оказалась прочной, парни замешкались. Алекс радостно пробормотал:

– Бросьте ее, ребята, пойдем лучше выпьем.

Взгляд бегающих глазок враждебно уперся в неожидан-

ную помеху, в руке одного из близнецов появился пружинный нож. Звонко щелкнув, выскочило отточенное до бритвенной остроты лезвие.

Алекс мгновенно остервенился: нож, зазвенев, ударился в кирпичную стену, парень завыл, баюкая сломанную руку. Второй, получив в солнечное сплетение ужасный удар ногой, опрокинулся навзничь и затих.

Не слушая благодарностей растрепанной женщины, герой быстренько вернулся к столикам, порядком протрезвев. Расплачиваясь с официантом, показал за угол:

– Там дама, помогите ей и вызовите полицию, пока грабители не в состоянии двигаться.

Вспыхнул экран УАСа, на нем появилась мордашка секретарши с ослепительной улыбкой:

– Капитан, с вами хочет говорить комиссар полиции.

Шантеклер поспешно отключил внешние динамики и взял трубку. С экрана уставились пронзительные глаза под кустистыми седыми бровями. С серебряной шевелюрой, с обвисшими бульдожьими щеками и короткой щеточкой усов, комиссар что-то неспешно и отчетливо говорил, постукивая ногтями по крышке стола. У Ратнера внутри оборвалось:

– Черт, что же я натворил, если сам комиссар звонит нашему петуху?

Физиономия начальника курса последовательно изобра-

зила важность, уважение к собеседнику, величайшее почтение и, наконец, полную растерянность:

– Да, господин комиссар. Есть, господин комиссар, он как раз у меня. О да, конечно, кто же не знает господина депутата Мартэна? Что, мадам Мартэн? Боже, какой ужас! И где, кафе «Сюзерен»! В этих местах отродясь не было никакой швали. Что вы говорите? Нет-нет, я горжусь своими мальчишками. Мадам Мартэн настоятельно требует поощрения? Конечно, непременно, на первом же общем построении Академии. Мои наилучшие пожелания, господин комиссар.

Девиль раздраженно бросил трубку и проворчал:

– Воистину, Бог печется о дураках и пьяницах. Мадам Мартэн, жена депутата, требует вас поощрить, вы, оказываетесь, успели спасти ее от грабителей.

Со вздохом опустившись в кресло, Шантеклер потер свой могучий нос:

– Я хотел вышвырнуть вас с курса, мадам требует вас поощрить. Поступим мудро: я прощаю вам попойку, но на большее не рассчитывайте, супермен. И запомните накрепко, Ратнер, вы у меня на крючке. Еще одна какая-либо выходка и, оп-ля, я вас подсекаю. И тогда не ждите пощады. Проваливайте.

Пришедший в себя Алекс вежливо сказал:

– Благодарю вас за доброе сердце месье Девиль, однако, боюсь, ваш крючок заржавеет – я не дам себя подсесть. Прощайте, месье Девиль.

Шантеклер вскочил и заорал:

– Не смейте называть меня «месье». Я приказываю называть меня капитаном!

– Отворяя дверь, Алекс ехидно улыбнулся:

– Мы не в армии, месье. А ваши древние воинские звания меня не интересуют.

Постоял секунду, заговорщицки глядя на смеющуюся в кулак секретаршу и слушая доносившиеся из кабинета вопли:

– Наглец! Хам! Молокосос! Алкоголик! Я тебя в лечебницу упеку!

Ратнер глубоко задумался, глядя на экран компакта, на котором мельтешили тексты словаря. Он сидел за легким столиком под плоскостью бота. Здесь было прохладно, подувал веселенький сквознячок.

С того случая в Академии прошло много лет, Алекс достиг определенных успехов во внутреннем строительстве. Он хотел стать сильным человеком, бросил престижную работу на коммерческих линиях, перебрался в десант. И отлично понимал уже, что все это не нужно. Это было романтическими бреднями, стремлением доказать самому себе – «я чего-то стою, я – личность». Для окружающих же людей это была профессия, они попросту не могли жить иначе. Они находили эту профессию скучной, тягомотной, не бог весть как оплачиваемой. Всякого рода опасности были для

них каждодневной осточертевшей рутинной. Поэтому Хольман и О'Ливи с таким наслаждением удили странных шипастых рыб, довольно вкусных, впрочем, грели консервированные бифштексы на костерке и внимательно присматривались к живности, собираясь поохотиться. Они наивно, но вполне серьезно считали нынешнюю высадку бесценной наградой за многолетний тяжелый труд.

У Алекса же, в результате внутренней неопределенности, постоянно появлялся образ каких-то двух колоссальных муфт, которые должны соединиться с помощью многочисленных выступов, выборок, зубьев. Вот-вот, щелкнув, соединятся все эти зубья, штоки войдут в отверстия, рычаги заскользят по кулисам. Два колоссальных цилиндра соединятся намертво и победно завоюют, набирая огромные обороты и вращая вокруг себя воздушные вихри. Но пока цилиндры нехотя вращались с разной скоростью, скрежеща несовпадающими выступами.

Лишь при высадке на Астур у него что-то зашевелилось внутри, возникло ощущение каких-то предстоящих удивительных перемен. Он бережно и тихонько нянчил в себе это ощущение, боясь даже обрадоваться.

Полянски притащил целый ворох местного тряпья, наскоро изготовленного на «Тайфуне», озабоченно сказал:

– Алекс, вы не потянете на гражданина Империи. Вам лучше сыграть варвара, состоятельного, скучающего без-

дельника, скажем, из северного соседа Империи – Лоэла. Лоэл в достаточной степени «астуризирован» и считается здесь вполне цивилизованным государством.

Он выругался:

– Черт бы их побрал, этих аборигенов, никакой фантазии. планета – Астур, империя – Астур, императоры – все поголовно Астуросы. Разница лишь в прозвищах.

– Не берите в голову, Роберт, – благодушно сказал Алекс, перебирая тряпки, – слушайте, как же я буду в этом ходить?

Он разделся, примерил на себя нечто вроде хитона из голубой ткани с бронзовыми застежками на плечах. Проходивший мимо Патрик заржал:

– Алекс, черт возьми, как вы милы в этом голубеньком платьице! И цвет какой многозначительный. Жаль, что я не гомик.

Ратнер кокетливо приподнял кончиками пальцев подол хитона и сделал глубокий книксен:

– Не расстраивайтесь, кавалер. Я не люблю рыжих.

– Слушай, Роберт, смех смехом, но я чувствую себя совершенным идиотом в этом одеянии. Да и выгляжу, вероятно, так же. А вдруг придется драться или бежать? Любой кретин сразу поймет: вот кто-то подозрительный вырядился в местную одежду. А пожалуйста-ка, голубчик, в полицию, или что там у них есть.

Полянски огорченно вздохнул:

– Да, Алекс, в этих тряпках нужно родиться и жить дол-

го-долго, чтобы чувствовать себя комфортно. Ума не приложу, как выйти из положения.

Подошедший Шатров долго щурил жесткие светлые глаза, поскреб затылок и злобно сплюнул:

– Похоже вы правы, Роберт: в жизни у меня не было такого идиотского задания. Алекс, наденьте шорты, майку, на случай холода возьмите свитер и куртку. Не будем ломать головы, в конце-концов мы военные, а не Комиссия по контактам. Здесь такая разношерстная публика – одним раритетом больше, одним меньше. Никто и внимания не обратит. Обязательно наденьте гарнитуру связи – вполне сойдет за какое-нибудь дурацкое украшение. Кстати, вы должны произвести впечатление богатого человека, – Шатров кинул Ратнеру увесистый кожаный мешочек, – и вот еще что: снимите штатные часы – вас примут за колдуна.

Он расстегнул браслет золотого «Ролекса»:

– Возьмите. Есть у кого перстень?

Хольман огорченно вздохнул и затрусил к боту. Вернулся с крупным опалом в золотой оправе:

– Берите, Алекс. По возможности не потеряйте, это память.

О’Ливи присвистнул:

– Ах ты, гамбургер! Это что, память о какой-нибудь богатенькой Лореляй?

Шатров продолжал:

– Из оружия, к сожалению, ничего не могу вам предло-

жить, кроме ножа. Возьмите свой штатный НВ. Патрик, завтра утречком высадите его неподалеку от порта. Будьте с ним на связи. Алекс, на территорию порта попадете через корабельное кладбище – там обычная гражданская охрана. С вечера они надираются так, что продирают глаза к полудню. В порту своя стража, но если пойдете через кладбище, вас не засекут. Днем там болтается куча всякой шпаны – будьте осторожны. При выходе из порта вы должны заплатить пошлину, серебряные монеты во втором отделении кошелька. Отдайте одну монету. В городе осмотритесь, найдите какой-нибудь постоялый двор поприличней. Походите, поглазейте, но не высовывайтесь. С Богом!

С залива наплывал ощутимый туманчик, было свежо. Неподалеку таяли в молочных струях фантастические очертания огромных шпангоутов, ломаных мачт, полуразрушенных корпусов. Алекс выпрыгнул на мелкую гальку, прислушался. Лениво шлепали мелкие волны, визгливо орали какие-то морские птицы.

Невыспавшийся и поэтому хмурый О’Ливи, отчаянно зевая, пробурчал:

– Не забывай регулярно выходить на связь. Я буду там, – показал на невидимый в тумане холм, – если понадобится, свистни. Пока, до связи.

Он захлопнул люк, серо-желтая чечевица глайдера подпрыгнула и заложила такой вираж, что застонал вспоротый воздух, закружились следом туманные вихри.

Алекс забросил за плечо сумку с барахлишком и бодро зашагал по заскрипевшей гальке к кладбищу. Чувствовал он себя на редкость хорошо, словно в далеком детстве отправлялся в соседнюю деревню: красненькие черепичные крыши, цветочные бордюрики на дубовых дверях с сияющими медными ручками, газончики, светящиеся нежной зеленью – их всегда хотелось погладить. Толпы туристов на аккуратных улочках, выложенных узорчатой плиткой, заманчивый треск, грохот и музыка луна-парка на деревенской площади. Все обещало радостные приключения и всякие невероятные вещи.

– Гляди, Арко, вот так пугало! Что на нем за тряпье? А на ухе – украшение или амулет? Смотри-ка, от уха дужка, а перед ртом на ней камешек что-ли. А может зерно? Браслетик богатый, чистое золото. И камешек на пальце – я таких не видывал. Ах, жалко, хозяин с нами. Сейчас бы зайти тихонько сзади, да шестопером по макушке. Камень на шею – и концы в воду. Ох, пожили бы!

– Тихо ты, Огрызок. Распустил язык, не ровен час, услышит кто. А у хозяина глазки забежали, видать тоже что-то присмотрел себе. Великий Кумат, – здоровенный бугай Арко набожно подкатил черносливины глаз, – грех, грех тако-

го птенчика не ощипать. Вот ведь дурак, без всякой охраны, без рабов – сам просится в руки.

Крепко стоял на волосатых кривых ногах, обутых в новехонькие сандалии, уважаемый и влиятельный человек Фату. Дорогой шерстяной хитон обтягивал его толстый сытый живот – признак большого достатка. На шее массивная золотая цепь, пальцы унизаны перстнями. Жалкие остатки курчавой шевелюры и черная борода обильно смазаны фруктовым маслом. С ним три человека охраны, людей верных, тертых, побывавших не в одной потасовке. Богат, богат был Фату, бывший раб, вольноотпущенник, с потрохами купивший собственного господина, а ныне купец – солидный, важный, заседавший в купеческой треме. Никто, никто не знал, что его людишки промышляют грабежом, воровством, опаивают в кабаках моряков и продают их в рабство. Хе-хе, нельзя пренебрегать в этой жизни ни единым грошиком. Сколько уж лет прожил Фату, а за всю жизнь не нашел на земле ни единой монетки. Самому, самому надо добывать их.

Вот, пожалуйста, какой щенок стоит: светловолосый красавчик, широкий в плечах, тонкий в талии, как южная девушка и мускулистый, как молодой бог. За такого любая богатая женщина никаких денег не пожалеет. Надо бы проследить за этим мальчиком, жалко нельзя сейчас им заняться – народу многовато для такого дела.

Что там его золотые цапки, их у Фату полным-полно, а вот ножичек у этого мальчишки очень и очень стоящий. Надо

бы взглянуть на клинок, похоже эта штучка стоит побольше самого хозяина.

Фату льстиво обратился к светловолосому:

– Позволь, незнакомец, взглянуть на клинок твоего ножа. Я большой любитель оружия, но такого еще не видывал.

Светловолосый, снисходительно улыбнувшись, вынул нож из ножен и протянул рукояткой вперед Фату.

Ах, ах, необыкновенной формы и белого металла лезвие матово светилось, узкая отточенная полоска сияла, как зеркало. А по обуху двойная пилка, режущая кость, как масло. Рукоятка черная, рубчатая, сделана по форме руки – невиданное оружие. Фату был сражен наповал, ощутив в руках нож, он пошел напролом и сказал высокомерно:

– Варвар, ты его украл, я обязан сдать тебя портовой страже. А попав к ней, ты лишишься не только ножа. Так что выбирай, или ты вернешь украденное, или сядешь в колодки, и тебя будут бить плетью.

Щенок засмеялся, и не успел Фату ничего понять, как нож опять был в руках у него. Вложив его в ножны, он весело сказал:

– Эта игрушка не для тебя, купец. Тем более, ее нельзя давать в руки бывшим рабам. Ты ведь бывший раб, верно? Втихаря разбойничал, ссужал деньги своему господину. Потом, когда он у тебя был на крючке, ты вынудил его дать тебе вольную и стал купцом, богатым и уважаемым человеком. Но грязных занятий своих не бросил, и сейчас твои людиш-

ки занимаются разбоем, так ведь?

А вот это были уже не шуточки, это было опасно. Не за речи, за намеки о тайных делах Фату, многие отправились с камнем на шее на дно морское. Со щенком нужно было кончать немедленно. Фату зарычал:

– Арко, Лен, Огрызок, взять его!

Арко радостно засмеялся, выдергивая из чехла шестопер и продевая огромную лапу в ременную петлю. Поводя плечами, лениво двинулся к светловолосому – «наш браслетик, наш, гульнем с Огрызком»...

Здоровенный мускулистый увалень надвигался на Алекса, двое других, помельче, заходили с разных сторон. Ему, вдруг, стало неожиданно весело и легко на душе: половинки огромной муфты, щелкнув, наконец, совместились. Она заревела, набирая обороты, закручивая вокруг себя воздух. Наконец-то он почувствовал себя сильным, эти люди были полностью в его власти. Они угрожали его жизни, и с ними нужно было разделаться беспощадно. Он остановил увальня жестом и, подняв указательный палец правой руки, спросил:

– Ты видишь это?

– Вижу, вижу и сейчас оторву его вместе с рукой, – Арко резко крутанул шестопер на ременной петле вокруг руки и ловко поймал его, делая шаг вперед.

Мгновенный выпад не заметил, кажется, даже сам Алекс. Палец погрузился в ямку под кадыком, и вот он уже опять поднял его, но уже окровавленным. Арко, недоуменно выка-

тивший глаза, схватился за горло, захрипел, качнулся и рухнул на колени.

Справа заорал Лен:

– Он убил его, – и взмахнул шестопером.

Ох, не надо было ему делать этого: Алекс шутя перехватил руку и, используя движение, резко резко рванул вниз и в сторону. У худого, с хищной физиономией Лена, что-то громко хрустнуло в плечевом суставе, он завыл и закрутился на каменных плитах, скребя по ним растопыренными пальцами левой руки.

Огрызок, суеверно омахнувшись ладонями, благоразумно бросился бежать, но нога Алекса в ботинке со стальной оковкой въехала ему в копчик, и бедняга ничком ткнулся в плиты. Фату давно понял, что ему пора поторопиться прочь, повернулся бежать, но не успел – их окружили синие рубахи портовой стражи.

Поднимающееся солнце ощутимо припекало, дрожал над каменными плитами горячий воздух. Ветерок доносил диковинные запахи фруктов, пеньки, смолы, какой-то гниющей гадости. Алекс с острым любопытством смотрел на офицера портовой стражи. Тот слегка расставил ноги в высоких шнурованных сандалиях, заложил палец левой руки за широкий кожаный пояс с бронзовой оковкой. Смотрел пристально, пронизывающе, сразу видно – государственный человек при исполнении.

Крепкое лицо гладко выбрито и умащено благовониями, коротко стриженные и слегка вьющиеся волосы непокрыты – страж, стоящий рядом, держал на сгибе руки начищенный медный шлем. В правой руке господина офицера короткий бронзовый жезл с хищной птицей, распластавшей крылья – ни дать, ни взять – римский орел.

Мигом пришедший в себя Фату, скорбно завопил, вцепившись короткопалыми лапами в хитон на груди:

– Господин начальник, этот проклятый варвар напал на смиренного законопослушного купца, одного моего слугу убил, двоих изувечил, пытался убить меня. О горе, горе, когда будет управа на мерзких негодяев, – из вытарщенных, с красными прожилками, глаз потекли совершенно натуральные слезы.

Ледяным голосом, негромко, офицер сказал:

– Помолчи, я все видел, – и, повернулся к одному из стражников, – Рефа!

Властным жестом поднял невысоко жезл и так же отчетливо произнес:

– За попытку ограбления и покушение на убийство ты внесешь в кассу порта десять золотых и получишь двадцать пять плетей. Рефа, взять его. А эту падаль, – он брезгливо указал на лежащих без движения наемников Фату, – убрать немедленно.

Купец завопил:

– О боги, десять золотых, целых десять золотых, и это ко-

гда я потерял лучших своих людей! Воистину, нет справедливости на этом свете!

Что там двадцать пять плетей, сговорчивый палач за пару серебряных монет просто погладит спину. Надо только по-сильней орать, чтобы его не подвести.

Офицер приподнял бровь:

– Ты недоволен приговором? Тогда ищи справедливости у императорского суда, как следует по закону. Ты проведешь остаток жизни в катакомбах, а все твое имущество пойдет в императорскую казну. Господа судьи очень любят такие процессы, они ведь получают десятую часть от конфискованного имущества. Тем более, – офицер вцепился взглядом в Фату, – что, по словам этого человека, за тобой водятся очень серьезные грехи.

Изменился в лице Фату, ох как изменился. Залившись смертельной бледностью, забормотал:

– Что ты, что ты. Я доволен твоим скорым, справедливым и милостивым судом, господин начальник. Я настолько доволен, что сверх штрафа внесу еще десять золотых на нужды портовой стражи. Покорнейше прошу принять мои извинения, злобный Гес попутал меня.

– То-то. Рефа, отведи его к палачу, да проследи, чтобы этот слизняк не сторговался с ним.

Двое стражников повлекли убитого Фату на расправу. Офицер коротко скомандовал, стражники взяли их в каре, и все двинулись к воротам.

Ослепительное солнце плавилось в серебряных бляхах на кожаном панцире офицера. Он принял от стражника шлем, глубоко надвинул его и застегнул пряжку ремня. Шагал четким строевым шагом, посматривая на Алекса вполне благожелательно:

– Я отведу тебя, варвар, к начальнику дворцовой стражи, а он, улучит момент, и подбросит тебя императору. Наш государь, – офицер тонко и двусмысленно улыбнулся, – любит хороших бойцов. А ты хороший боец, я таких не видывал, хотя драться мне приходилось почти всю жизнь. Глядишь, император и запомнит мое имя, оценит редкостное подношение. Хотя начальник стражи припишет себе все заслуги, но хоть словечко обронит обо мне. А одно это уже очень дорогого стоит. Однако, я должен предварительно допросить тебя: кто ты, откуда, не злоумышляешь ли чего против Астура и выяснить прочие формальности.

– Ты умный человек и, как понимаешь, правды я не скажу. Объясни, что я владелец крупного поместья из Северного Лоэла. Никогда не бывал в метрополии, приехал посмотреть вечный Астур. Поскольку я молод и самонадеян, то не взял с собой охраны и попал в скверную историю.

Офицер долго и внимательно смотрел на Алекса:

– Ты действительно молод, но совсем не самонадеян. И ты в самом деле говоришь неправду – у тебя не лоэльский акцент. И ни там, ни здесь никто не носит такой одежды, таких украшений и такого оружия. Кстати, нож тебе придется

отдать, на территорию дворца сторонним людям запрещено входить с оружием. Он никуда не денется, разве что на него польстится начальник дворцовой стражи. Но тут уже я ничего не смогу сделать, ибо гарусс и офицер портовой стражи – люди несопоставимые. И все-таки интересно – кто ты и откуда взялся.

Алекса несла на себе радостная волна: выматывающее корпение над учебниками общей истории приносило плоды. Он понимал, как здесь все устроено, он мгновенно чувствовал людей разных социальных слоев и многое знал о них – сходство с земной цивилизацией было поразительным.

– Не гадай, воин, все равно ты обо мне ничего не знаешь, а если узнаешь, то не поверишь. А вот я о тебе знаю многое.

– Ты обо мне? Да ведь ты меня видишь в первый раз.

Алекс засмеялся:

– А вот послушай. Совсем недавно ты был военным, командовал не меньше, чем сотней человек. Ты был отважным воином и хорошим командиром, об этом говорят твои награды, – Ратнер указал на серебряные бляхи, поразительно напоминавшие римские фалеры.

Офицер пожал плечами:

– Это мгновенно определит любой мальчишка в городе.

– Не спеши, слушай дальше. Ты молод, тебе еще служить бы, да служить. Поскольку ты хороший офицер, то не мог совершить такой ошибки из-за которой тебя изгнали бы из армии. Я думаю, что против тебя сплели грязную интригу.

Скорее всего – кто-то из твоих начальников.

Офицер скрипнул зубами, крепкое лицо его побледнело, он прорычал:

– Это проклятый Канна свалил на меня ответственность за свою глупость и самонадеянность. Мою сотню уничтожили почти полностью в ущелье Фромы, сам я был ранен и едва остался жив. О грязный трус, он погубил всю мою жизнь!

Ну-ну, забудем об этом. У тебя ведь нашелся высокий покровитель, наверное, кто-то из твоих бывших военачальников, занявший важную государственную должность. Офицер портовой стражи – почетная и ... – Алекс тонко улыбнулся, – доходная должность.

Демобилизованный сотник угрюмо сказал:

– Это Рокус, да пошлют ему Вышние благополучие и здоровье.

Новоиспеченный прорицатель понизил голос:

– Прости, но я скажу о твоих доходах, об этом никто никогда не узнает. В столице метрополии на офицерское жалование не проживешь, у тебя водятся кое-какие дела с купцами. Портовая стража не таможня, но тебе кое-что перепадает, верно? Конечно, ты никогда не имеешь дела со всякой швалью вроде Фату, у тебя более серьезная клиентура.

Сотник подобрался:

– Ты болтаешь слишком много, такие обвинения надо доказывать.

– Успокойся, это не обвинения, да и доказать ничего не

возможно – ты слишком умный человек, чтобы рисковать местом. У тебя есть в столице хороший дом, который невозможно приобрести на твое жалование. И ты содержишь с десяток рабов – это тоже требует расходов. Тебя посещают знатные дамы, сам бы ты не купил дорогих благовоний, которыми от тебя пахнет.

Конечно, ты не женат. Раньше у тебя не было на это времени и положения, а сейчас тебе этого просто не хочется. Боюсь ошибиться, но у тебя есть хорошенькая рабыня, которая должна следить за хозяйством. Она красивая, глупая, любит сладости и наряды и постоянно клянчит у тебя деньги. Она тебе порядком надоела и плохо следит за тобой: твоя рубаха внизу разорвана по шву.

Сотник скрипнул зубами:

– Это Аколь, поганая девка. Подозреваю, что она шляется к соседским рабам. Продам гадину в ближайший торговый день. Ты действительно всеведущ, варвар. Прими добрый совет: не выказывай своих способностей, иначе тебе придется плохо – люди не любят тех, кто много знает о них. Мы пришли.

Алекс отстегнул нож и, протягивая его сотнику, сказал:

– Мне хочется, чтобы это оружие попало в хорошие руки. В кармашке на обратной стороне ножен, вот здесь, пяток метательных лезвий. Вот эта стрелка под прозрачной крышечкой, синим концом всегда указывает на север. Как ею воспользоваться, догадаешься сам. В этом отделении удочки

для ловли рыбы, а вот тут, – он извлек из кармашка на ножнах гармошку аэрофотоснимков, – вся северная часть Астура.

Сотник с легким поклоном принял нож:

– Благодарю тебя. О боги, что это?

Он развернул аэрофотокарту, долго вглядывался в нее.

– Это Северный хребет, а вот то самое ущелье – Фромы.

Он покачал развернутую гармонику, голографические снимки засияли, приобрели глубину, объем.

– Боги, это невиданно! Как будто смотришь глазами орла. Благодарю тебя, чужеземец, за твой дивный дар. Теперь я понимаю, отчего сошел с ума бедняга Фату. Я скажу начальнику дворцовой стражи, что у тебя не было никакого оружия вовсе, а Фату польстился на твой золотой браслет.

Подувал ветерок, гуляя по плитам дворцовой площади, срывал радужную водяную пыль со струй фонтана. Сладко пахли цветы на куртинах, крепким смолистым духом веяло от корявых раскидистых деревьев с плоскими кронами. У далекого главного входа дворца прогуливались важные тутошные господа.

Начальник дворцовой стражи, неприметный худощавый человек, долго разглядывал Алекса пронзительными глазами. Небрежным взмахом руки отпустил сотника и произнес глуховатым невыразительным голосом:

– Этот напوماженный хлыщ сказал, что ты не виданный

доселе боец. Это правда?

Алекс пожал плечами:

– Откуда я знаю? По крайней мере, те трое, которые напали на меня, не особенно разбирались в этом деле.

– Ты непохож на наших хвастливых атлетов. Ну что ж, посмотрим, каков ты в деле.

Он приказал одному из свитских стражников:

– Приведи сюда троих кулачных бойцов и одного борца.

Пусть нам варвар покажет свое искусство.

Алекс заартачился:

– Я не буду драться! Я не цирковой атлет.

Начальник стражи удивился:

– А зачем же ты пришел сюда?

Алекс развел руками:

– Меня привели, не спрашивая моего желания.

Человечек, в аккуратном белом хитоне с ярко-синей каймой, жестко прищурился:

– И сейчас я не спрашиваю твоего желания. Ты будешь драться, или тебя попросту убьют.

– Я свободный человек и не собираюсь ублажать кого бы то ни было, а убить меня совсем не так просто как ты думаешь.

Подошел стражник с четырьмя могучими мужиками в одних набедренных повязках.

Человечек приказал самому здоровенному:

– Уло, взгрей-ка эту заморскую пташку, да как следует!

Гигант Уло добродушно ухмыльнулся:

– Стоит ли? Я разложу его на колене и всыплю ему по мякоти.

Начальник стражи зарычал:

– Выполняй, иначе я прикажу выпороть тебя самого.

Посерьезневший Уло нехотя двинулся к Ратнеру.

Алекс все-таки прихватил на всякий непредвиденный случай электрошокер. Спрятав маленький цилиндрик в ладони, передвинул рычажок интенсивного разряда на максимум и направил его в сторону гиганта. Тот был уже в метре – извилистая синяя молния впиалась ему в грудь, уши неприятно резануло резким треском, остро запахло озоном.

Бедняга Уло рухнул на каменные плиты. Эффект был невероятным: стражники и битюги-атлеты мгновенно рухнули на колени. Белый, как мел, начальник стражи стоял в полном ступоре...

Сияющие золотые лучи, падавшие из низеньких створчатых окон, пронизывали облака клубящегося пара, высвечивали цветные изразцы пола. Негромкие голоса в обширном банном зале звучали гулко и одиноко.

Корсу, Несущий Бремя, похлопал себя по жирной груди. Увы, увы, всего лишь Несущий Бремя, не Астурос там какой-нибудь: Злобный, Тишайший, Золотоглазый, Отец чело-

веков – Гес их там помнит всех. Временный государь всего-навсего.

Корсу, кряхтя, стал поднимать бронзовые гири, чтобы вызвать пот. В бронзовом же зеркале, покрытом каплями воды, отразилась приземистая мужицкая фигура временного государя. Он с удовольствием и симпатией смотрел на свою смуглую толстогубую физиономию, толстенную шею, дюжие ручищи и могучие, поросшие черным волосом, кривоватые ноги. Пусть смеются тоненькие, изнеженные господа-аристократы над его простонародной статью. Зато в этот толстый живот можно влить, ничуть не опьянев, добрую бочку вина и поместить еды на добрый десяток немощных недоносков. А понадобится, так он может и в каменоломне ворочать здоровенные глыбы, довольствуясь куском черствой лепешки и миской баланды – выносливости ему не занимать. Корсу готов ко всему, хотя (Несущий Бремя суеверно омахнулся ладонью) упаси от этого великий Кумат. А многие, ох многие казначеи закончили карьеру именно так – добывая редкостный розовато-серый, с искрами камень для дворцовых построек.

Корсу крикнул раба-массажиста. Тот проворно расстелил на низенькой каменной скамье мягкую циновку и почтительно помог государю улечься.

Окатил его из медного ведра теплой водой и, как зверь, запрыгнул ему на спину. Великий государь всего Астура превратился в жалкую тряпку: железные пальцы раба, казалось,

насквозь протыкали мышцы, добирались до самых костей. Трещали выворачиваемые суставы. Корсу выл в голос – раб терзал его безжалостно.

– О-о, негодяй, я прикажу оскопить тебя, ты сгниешь в катакомбах, я немедленно посажу тебя на кол!

Раб, привыкший ко всем мыслимым и немыслимым угрозам, продолжал молча терзать уже почти бесчувственного государя. Наконец он закончил и вдвоем с помощником погрузил совершенно недвижимого владыку в горячую и благовонную воду бассейна. Там Корсу терли жесткой мочалкой из прожилков редкой лоэльской тыквы, потом пучком нежнейшей шелковистой болотной травы, от которой мужская сила становилась как у молодого кобеля-рединала.

Вынесли колышущееся, как желе, тело и осторожно уложили его прямо на изразцовый пол. И тут банный мастер выплеснул на недвижимого государя огромное запотевшее ведро воды с громяющими внутри кусками драгоценного льда. Его привозили с невероятными трудами из далеких северных краев, где свирепые воины в рогатых шлемах продавали его южанам за золото.

С нечеловеческим воплем Корсу подпрыгнул мало не до потолка и, задохнувшийся, застыл, выпучив глаза и открыв рот. Его тут же окатили горячей водой и, бережно закутав в мохнатое покрывало, усадили на скамью – отдышаться.

Блаженно потягивая прохладное терпкое вино, чувствуя себя заново рожденным, Корсу разнежено сказал:

– Ах, Даду, ты сегодня был усерден как никогда. В награду ты получишь золотой и я разрешаю тебе вечером напиться.

Здоровенный раб благодарно распростерся на мокром полу.

Свежий, полный могучих сил, упруго и легко шагал на толстых ногах Корсу, с наслаждением ощущая каждую мышцу. Ветерок, тянувший вдоль длинной аллеи, шевелил просторный хитон, свежая, пахнувшая чистотой ткань, приятно липла к вымытому телу. Чуть сзади неслышно двигалась личная охрана – Несущий бремя не любил лязганья и бряцанья оружия.

Государь с наслаждением думал о тайном обширном подвале глубоко-глубоко под дворцом, куда вели истертые ступени. В узких коридорах тянул вечный сквозняк – строители хорошо продумали вентиляцию. Тускло горели на стенах масляные светильники, добавляя копоты на сводчатые потолки, где ее висело пальца на четыре. Тяжкую бронзовую дверь охраняли свирепые звери с далекого Юга, их гладкие короткошерстые тела подобны бронзе, а огромные клыки длиннее человеческого пальца. Чтобы они не теряли формы, в клетках были устроены колеса, в которых звери бежали, сатанея от злобы. Двери клеток открывались, когда сторонний человек задевал за невидимую в темноте веревку. И тогда к двум десяткам скелетов, висевших на стенах, добавлялся еще один. Но охотников не было уже давно.

За бронзовой дверью, в вечно прохладном и сухом зале, на каменных полках стояли бесконечными рядами маленькие мешки из нетленной кожи морского зверя Гох, битком набитые золотыми монетами всех времен и народов. На ремнях, стягивающих горловины мешков, аккуратные деревянные таблички, крытые воском – реестры, в которых указано количество и вес монет. Мешки с серебром стояли прямо на полу.

В отдельном помещении – сундуки и ларцы с золотыми изделиями и дорогими камнями. Все аккуратно уложено, сочтено и внесено в особые списки, содержание которых знают лишь император, казначей и два-три человека из Высшего Совета. В данный момент императором и был казначей Корсу, на короткое время, до избрания Советом нового государя.

Мучительная, почти неразрешимая задача терзала выходца из семьи мелких торговцев, бывшего купца и нынешнего государя и казначея: что бы это затеять такое, чтобы как следует пожить из заветного подвала.

Это нужно было сделать срочно: наместники уже выехали из провинций Империи на Совет. До метрополии путь недалёкий, дороги везде хорошие, будь они неладны. Еще неделя, и пиши пропало: новый император обычно приводил своего казначея и ни один из бывших не уходил еще с почетом. Большинство отправлялось напрямик в каменоломни за найденные грехи. И даже без всяких грехов – чтоб непо-

вадно было. Ничего не поделаешь, должность такая. Хитрый Корсу не терял веры в себя и надеялся выдумать что-нибудь этакое... Не зря же он вылез из самых низов на трон.

Аллея закончилась, перед государем лежала дворцовая площадь. Хорошо, великолепно, красиво. Вид портило только древнее трехэтажное здание. Говорили, что это, якобы, первый дворец первого императора Астуроса там какого-то. Корсу плевать хотел на всех Астуросов вместе взятых и приказал разобрать дворец, невзирая на вопли аристократишек.

Подумаешь, святыня. Древняя рухлядь и больше ничего. Корсу досадливо поморщился – во дворце грохотали кайлами рабы, кирпичная пыль клубилась у сводчатых окон. Перевел глаза на фонтан и заинтересованно поднял брови, у фонтана застыла странная группа: ничком лежала дворцовая стража и кулачные бойцы, а его любимец Уло валялся, словно мертвый. В центре группы стоял совершенно белый гарусс, которого Корсу ненавидел, а напротив него – тоненький юноша в совершенно невероятном одеянии.

Надо бы подойти неспешно, величественным шагом, как должно государю, но бывший торговец не выдержал – живо подлетел, снедаемый любопытством. Густым начальственным баритоном загромыхал:

– Эт-то что такое? Что здесь происходит?

Начальник стражи с трудом открыл рот и выдавил, указывая на мальчишку:

– Он... Он убил Уло молнией.

– Что ты несешь, какой молнией?

Мальчишка ослепительно улыбнулся:

– Да не убил я его, вон он уже шевелится.

Действительно, Уло завозился и с трудом сел. Он хрипел и свистел горлом, смотрел пустыми глазами.

Не спешащие подняться с колен стражники завывали в голос:

– Молнией, молнией, великий государь!

Не пришедший в себя Уло согласно закивал, говорить он не мог.

Корсу благодушно сказал:

– А, это фокусник с Востока. Они еще и не такое могут показать.

Пришедший в себя начальник стражи проскрежетал:

– Ах, фокусник с Востока! Я прикажу нарезать ремней из его спины.

Несущий Бремя ехидно ухмыльнулся:

– Не забывайся, гарусс, здесь я распоряжаюсь, – и мальчишке, – а ну долбани его молнией, да как следует.

Выпятил нижнюю губу, подумал и добавил:

– Велю!

Фокусник с Востока опять ослепительно заулыбался:

– Ну, для государя мы покажем что-нибудь поинтересней. У меня, например, есть ручной дракон, который может разнести в пыль всю столицу. Хочешь взглянуть, государь?

Корсу погрозил толстым пальцем:

– Но-но, не забывайся, сопляк!

И покрутил головой:

– Здоров же ты врать, мошенник. Чего только не наплетешь за лишнюю монету.

Мальчишка подмигнул Корсу:

– Зачем врать? Скажи-ка, государь, ведь ты хочешь снести это здание? – он указал на старинный дворец.

– Я его уже сношу.

– Прикажи всем выйти из него и отойти как можно дальше. Где там наш дракон? – он придвинул камешек на дужке ко рту и произнес несколько слов на незнакомом наречии.

– Хеллоу, Орел, вас вызывает Птенчик.

– Птенчик, Орел на связи. Черт возьми, Алекс, почему так долго молчали?

– Не было возможности связаться, слишком опасно. Патрик, мне нужна ваша помощь. Помните древнюю халупу на дворцовой площади? Ее надо разнести в пух и прах. И появьтесь как-нибудь поэффектней, вы нынче в роли волшебного дракона. А то местная администрация усомнилась в нашем божественном происхождении. Ну, вы это умеете, не мне вас учить.

– О'кей, прикажите вывести людей.

– Уже сделано, валяйте.

Да, Патрик был настоящим артистом. На подходе к столице он врубил тифон, и, казалось, весь континент наполнился

жутким неживым воем, леденящим душу и повергающим в глубокую тоску. Алекс сам впервые слышал включенную на полную мощность сирену боевого глайдера – на тренировках обходились пятью процентами. Рассчитанный на плотные и разреженные атмосферы, бешеные ураганы необитаемых планет, ужасной силы звук накрыл город – он замер парализованный.

Потом звук резко оборвался. Наступившая тишина была еще хуже воя. И вот, с протяжным шумом взрезаемого воздуха над деревьями парка появился глайдер. На огромной скорости, закладывая боевой разворот, пронесся над стоящими у фонтана. Упругая волна воздуха свалила тех, кто стоял, смяла струи и выплеснула воду, словно из чайной чашки. Описав молниеносную циркуляцию, глайдер неподвижно завис в воздухе в полусотне метров от цели.

Вымокший Алекс поднялся, чертыхаясь:

– Вот рыжий дьявол!

Множество народа, не дыша, глядело на замолчавшее чудовище. В мертвой тишине хлопнули створки донного люка, заурчали сервоприводы и из каземата выползли узкие раструбы спаренного мелкокалиберного излучателя с упрянтанным в глубокую бленду объективом прицельной станции. Турель, воя приводами, грозно заворочалась из стороны в сторону.

Алекс с любопытством смотрел на глайдер. Сам он сотни раз стрелял из бортового оружия, наблюдал стрельбы на

полигоне, но все это было пропущено через телесистемы в безопасном блиндаже. Здесь турель мощного оружия ворочалась метрах в сорока. Конечно, можно было задать координаты цели на экране бортового компьютера и уничтожить постройку в течение двух секунд. Но О'Ливи не мог отказать себе в удовольствии проделать это вручную, дабы местное население страх божий имело. Алекс отчетливо представлял его руки, лежащие на мягких рукоятках штурвала: левый палец двигался на четырехпозиционном рычажке привода турели. Вот ярко-зеленое перекрестие наползло на дворец, высыпали колонки цифр: азимут, расстояние, твердость и тугоплавкость цели, рекомендуемая мощность и время излучения. Правый палец отбросил предохранительную скобу спусковой гашетки и лег на большую ярко-красную рифленую кнопку. Вот сейчас...

Тысячекратное «ффух!», сопровождаемое мелким треском возникло в мертвом воздухе – как от взлетающей шутихи. Сдвоенный ослепительный шнур в дымных облаках сгоревшей пыли протянулся на десятую долю секунды от чечевицы глайдера к рыжим кирпичам древней постройки. Внутри гулко хлопнула ударная волна, разнося дворец – полетели кирпичи, горящие куски дерева. На месте трехэтажного здания вспучился багрово-красный волдырь лавы, лопнул, истекая маленькими ослепительными ручьями.

Горели окружающие дворец деревья, с шумом падали пылающие головни, потрескивала остывающая лава. Глайдер

повисел еще минуту для пущей важности, внушительно проплыл на малой высоте над головами потрясенных людей и исчез – Патрик включил маскировочную систему «Хамелеон».

Ирландец провел шоу на высшем уровне. Правда, казне предстояли немалые расходы по уборке и ремонту площади, но это было уже дело десятое.

Алекс похлопал по плечу остолбеневшего Корсу:

– Эй, государь! Приди в себя.

Несущий бремя выдавил трясущимися губами:

– Дда-да, я слушаю тебя, Посланник.

О, Посланник, это уже хорошо, шоу произвело сильное впечатление.

– Через пару дней, когда остынет шлак, прикажи навести здесь порядок.

Корсу замахал руками:

– Что ты, что ты! О чем ты говоришь? Ты посмотри, отсюда уже тащат все, что подвернется под руку.

Действительно, рабы, невзирая на сумасшедший жар, тащили головни, обломки камней, прикрываясь ладонями, кайлами подтаскивали оплавленные кирпичи.

– Но зачем им это нужно?

– Как ты не понимаешь? Произошло великое чудо – каждый спешит ухватить хоть что-то, что впоследствии станет реликвией, будет передаваться из поколения в поколение

и завещаться местным храмам в качестве бесценного дара. Сейчас здесь появятся жрецы и все – больше никому ничего не достанется. Это место обнесут бронзовой решеткой, сюда будут шляться толпы богомольцев, а жрецы станут требовать место для постройки храма.

– Ну, это совсем неплохо, пусть себе молятся.

Корсу, спохватившись, склонился в низком поклоне:

– Приказывай, Посланник! Ты, наверное, чего-нибудь хочешь?

– Еще как. Я хочу как следует вымыться, поесть и выпить легкого вина.

– Сию минуту, Посланник. Все, что ты захочешь. Я прошу тебя во дворец.

Он щелкнул пальцами и из воздуха появился толстенький, по всему видно, расторопный человек:

– Наполни бассейн свежей водой и выбери парочку самых красивых и искусных рабынь.

Испуганно покосился в сторону Алекса:

– Прости, Посланник! Может быть, ты предпочитаешь знатных дам?

– Нет-нет, возиться с ними... Пусть будут рабыни.

От чуть заметного ветерка, струившегося между колонн портика, дрожали огоньки многорожковой масляной лам-

пы, свисавшей над столом на золоченых цепях. Красноватые блики мерцали то на выпуклом золотом боку кубка, то на влажных крупных ягодах, похожих на сливы, но с сильным цветочным запахом, то купались в кровавом вине, налитом в стеклянный кувшин. Алексу раздирало зевотой рот: две рабыни, необыкновенной красоты девки, у которых стальные мускулы играли под тонкой кожей как у породистых кобылиц, отъездились на нем по полной программе. Потом так же сноровисто вымыли его. А уж ужином его ублажал сам Корсу, и Алекс мог точно сказать, что на Земле такого не едали даже главы крупнейших индустриальных корпораций. Эта жизнь была прекрасна, но в ней никак нельзя быть доверчивым ослом – заснуть без страховки означало не проснуться вовсе.

Зевая, Алекс благодушно протянул:

– Так, так, значит, ты временный государь, как я понял?

– Да, Посланник, и править мне осталось не больше недели, пока не съехались на Совет наместники из провинций.

– И что потом?

– Потом меня сошлют в каменоломни, и я там, скорее всего, схохну – бежать оттуда почти невозможно.

– Ах, бедняжка, но ведь тебя есть за что сослать. Признайся, ты ведь хочешь почистить, как следует, государственный подвал?

Утомленный всеми чудесами и от этого отупевший, Корсу вяло махнул рукой:

– От тебя ничего не скроешь.

Алекс подвинулся ближе и заговорщицки понизил голос:

– Слушай, казначей, я обещаю тебе жизнь, свободу и много чего из того подвала, если поддержишь меня.

Черные глаза бывшего купца засверкали, как у дьявола, он мгновенно подобрался и, почтительно наклонившись к Ратнеру, тихо сказал:

– Я тебя очень внимательно слушаю, Посланник.

– Орел, я Гнездо, ответьте!

– Гнездо, Орел на связи.

– Добрый вечер, Патрик. Что там наш Птенчик?

– Черт его знает, шеф, молчит. После моего шоу на площади на связь не выходил.

– Патрик, я начинаю тревожиться.

– А мне все это вообще не нравится, шеф. Сопляк что-то затевает, уж очень он ловко вписался в эту лавочку. Такое впечатление, что он родился придворным интриганом.

– Оставьте, Патрик. Дуйте сюда и ложитесь спать, вас сменил Полянски.

Назойливый писк «Ролекса» пробивался сквозь многослойные напластования снов, они клубились, перемешивались, не хотели уходить. Веки никак не расклеивались. На-

ощупь, злясь, Алекс нажал кнопку будильника. Слава тебе господи, заткнулся.

Сияющий золотой столб света падал на мозаичный дивный пол. Какие-то обнаженные девки, здешние нимфы, должно быть, переплелись в бесстыдном танце с волосатыми, похотливого вида, полужверями-полулюдьми на зеленом берегу полноводной реки. Из-под опущенных век Алекс долго рассматривал тонувшие в полумраке горельефы того же фривольного содержания. Хорошо спится императорам на драгоценном черного дерева, ложе, среди мягчайших подушек, тонкое белье пахнет травами и цветами. Где-то высоко на хорах тихонько зазвучали струнные и духовые голоса, поющие о чем-то неведомом и прекрасном.

Алекс вспомнил кубрик на «Тайфуне» – подвесные койки-амортизаторы в два яруса, низкие потолки. Жалкие попытки дизайнеров придать некий шик обычной казарме: панели из светлой синтетической кожи, пластик «под дерево». А по стенам коммуникации, кабели, коммутационные коробки, ребра шпангоутов – с омерзением передернул плечами.

Повернул голову, слева на полу, на мягких шкурах, сопел Корсу – ближайший теперь помощник и ангел-хранитель. В дверном проеме загромыхал каской клюнувший носом стражник – дремал, опираясь на копьё. Выпрямился, вытаращился испуганно – сейчас нагорит. Ничего: сопляк лежит неподвижно, а Несущий Бремя продолжает сопеть.

– Посланник, ты ничего не ешь. Как можно, ты хуже наших вельмож: те хоть, по крайней мере, дома наедаются до отвала. При мне только корчат утонченных – ничего не едят.

– Не волнуйся, Корсу, я на завтрак ем мало – одно яйцо. Вели подогреть мне молока, вина я не пью утром.

– Воистину, ты – небожитель. А вот я люблю покушать, – Корсу с наслаждением вытянул кубок золотисто-зеленого вина. Безуспешно попытался выловить золотой лопаточкой кусок мяса из густого соуса, плюнул, влез в блюдо рукой.

– Гес их знает, как они ухитряются есть этими инструментами. Сколько лет во дворце, а никак не научусь. Итак, Посланник, ты вчера крайне утомленный, не закончил разговор, очень важный для нас обоих.

Алекс, пробуя изумительно вкусное печенье, процедил:

– Тихо! И выгони слуг.

Сметливый казначей щелкнул пальцами, и зал опустел.

Посланник, опершись на перила балюстрады, полюбовался замечательным видом: уступчатые здания спускались по склону холма к лазурной бухте. Между постройками раскинулись нежно-зеленые поляны с короткой стриженной травой, украшенные кучами причудливых и очень красивых деревьев.

Долго молчал, потом спросил:

– Корсу, как ты думаешь, зачем я здесь?

На сей раз, даже сообразительный Корсу не нашелся что

сказать. Пожал толстыми плечами:

– Откуда мне знать помыслы Вышних, Посланник.

– Корсу, ты мне нравишься. И я буду с тобой так же откровенен, как ты со мной (ах, что ты можешь знать о движениях моей души, толстый торгаш).

Однако, как упоительно чувствовать разницу между нами. Забавно, с одной стороны полубог, с другой недалекий абориген, но это один взгляд. С другой стороны – занюханый сержант-десантник и пусть временный, но император. Удивительно многомерная штука – жизнь, предоставляет множества точек для своего просмотра.

– Корсу, я сюда прибыл для целей тебе непостижимых. Мне здесь понравилось, я хочу остаться. И, как понимаешь, не для того, чтобы махать кайлом в каменоломне, – Корсу в ужасе подкатил глаза, – как ты понимаешь, Посланник небес не может быть никем, кроме императора.

Казначей стесненно завозился:

– Ох, Посланник, тебе придется туго. Должность императора – заманчивая штука, и претендентов на нее ровно двенадцать. И каждый из них с наслаждением убьет ради этого места не только любого смертного, но и мать родную. А ты ведь, господин мой, смертен, не так ли? Да они любого бога убили бы, но пока с ним не сталкивались. Не надейся произвести на них впечатление своими чудесами, плевать они на это хотели. Им важно будет узнать, можно ли тебя убить, больше их ничего не заинтересует.

– Не переживай, Корсу. Главное, чтобы ты был на моей стороне. А для наместников, кроме чудес, есть и очень серьезные аргументы, и кто будет сильно возражать, тот быстро отправится в ваши лилейные поля, или как их там.

Толстяк радостно засмеялся:

– Ох, вот там им самое место. И если ты, Посланник, можешь кого-то из них туда отправить – не размышляй ни секунды. Иначе мы сами туда отправимся.

Он стал очень серьезным:

– Вот Картан, например, наместник южной провинции Арход. Не медли, как только он откроет рот – покончи с ним, иначе дело плохо. Они тебя не пощадят, кем бы ты ни был.

– Ничего, ничего, – последовали непонятные, но очень энергичные слова, – мы заткнем этого Картана в его собственную задницу.

– Орел, я Птенчик, ответьте.

– Птенчик, я Орел, на связи. С вами будет говорить командир.

– Алекс, здесь Шатров. Мне очень не нравится ваше долгое молчание. Тайфун ежедневно требует от меня отчета, мне сказать абсолютно нечего. Сегодня вечером изыщите возможность отлучиться на час. Назначьте место, в двадцать один ноль-ноль Патрик доставит вас к боту. Готовьте отчет.

Все.

Толстые пластинки горного хрусталя, с помощью свинцовых перегородок собранные в изящный купол, хорошо пропускали свет. Он падал вниз, на роскошный, черного дерева, стол на бронзовых звериных лапах. Углы помещения, отделанного резными деревянными панелями на исторические темы, тонули в полумраке. Тишина, покой – зимний кабинет государя.

Алекс, засунув руки в карманы шортов, покачивался с пятки на носок, глядел на все это великолепиие. Рядом сопел Корсу – верный Санчо Панса.

– Вели-ка, друг мой, заменить это чудище, – Алекс кивнул на стол, – пусть поставят что-нибудь попроще и попрочнее. И вели привезти мне отливки самой лучшей бронзы, которая у вас выплавляется. Я на них взгляну, а потом мы сходим в плавильни, посмотрим, что там делается. К полудню пусть мне доставят образцы селитры и серы. Древесный уголь, надеюсь, у вас водится?

Корсу вытаращил глаза:

– Великий Кумат, зачем это тебе?

– Не рассуждай, делай что я говорю.

Хо-хо, ребятки, мы наведем здесь порядок. Начнем с пороха, это главное. А также посмотрим на их уровень обработки металлов. В принципе, отлить пушечный ствол не со-

ставляет особенного труда, вопрос в том, как избежать его сверления. Придется очень тонко и грамотно делать форму, потом пройти по готовому каналу – это уже не проблема. Свинца здесь, похоже, навалом, значит, ядра отольем. Если мне удастся изготовить самую примитивную пушку – весь этот мир у меня в кармане.

– Корсу, тебе сейчас какие-нибудь войска подчиняются?

– Да, Посланник, дворцовая стража, почти две тысячи человек, а также городская, портовая и таможенная. Основными войсками я не могу командовать без ведома Совета.

– Хватит и этого. Прикажи завтра к полудню собраться всем на дворцовой площади. Исключая, конечно, тех, кто несет дежурство. А сегодня вечером, как стемнеет, проводишь меня – прилетит мой дракон и заберет меня ненадолго. Мне надо посоветоваться с Вышними.

Корсу опасно поежился и неохотно протянул:

– Как скажешь, Посланник.

С десятков надежных солдат дворцовой стражи молча сопровождали Алекса и Корсу к корабельному кладбищу. Лица их при неверном свете факелов были бледны – ни один император таких штук как Корсу не проделывал. Дурно, ох дурно пахли эти таинственные дела. Однако молчали – голова у каждого одна.

Глайдер появился, казалось, из воздуха. Вспыхнул на пару секунд мощный прожектор, мигнули бортовые огни, рез-

ким алым светом замигал проблесковый маяк. На мгновение огни погасли, воцарилась полная темнота. Потом неярко и желтовато осветилась внутренность кабины, поднялась крышка люка. Непонятный, странный человек, нездешнего обличья, в белой каске (да и человек ли вообще?), приглашающе махнул рукой. Дьявольский мальчишка шагнул внутрь, и чудище растворилось в темноте.

Патрик за дорогу не проронил ни слова. Высадил Алекса, загнал глайдер под навес из пожухших веток и неохотно приплелся к костру, где уже сидела вся группа.

Шумел несильный ветер в кронах деревьев, лепетали что-то листья, вытаскивая из давней непостижимой памяти какие-то смутные и волнующие образы. Срывались с пламени искры, таяли в бархатной темноте. Тихо, уютно, патриархально посвечивал костерок, однако лица сидевших вокруг него людей были нехороши: замкнутые, напряженные, полные недоверия.

– Вот ведь, засранцы! Кинули черт знает, куда и неизвестно зачем. Добился чего-то и уже недоволен – отчего не доложил. Алекса начинало ощутимо воротить от коллег. И вместе с тем, он испытывал удивительный подъем духа и ощущение мощной внутренней силы. Да, теперь он совершенно отчетливо чувствовал: он был сильнее их всех. Всех этих решительных и стойких, увешанных пурпурными сердцами, серебряными отвагами и прочими побрякушками. Он внимательно и спокойно смотрел в глаза каждому

и знал отчетливо: они тоже все поняли. Это было на биологическом уровне, сейчас начнется разговор, и точное первобытное чувство завуалируется, сомнется ненужными словами. Однако, мощное подсознательное ощущение у этих людей останется: он перешел границу.

Ни сам Ратнер, ни его коллеги, не могли сказать какую именно границу и отчего ее нельзя переходить, но, то, что он сделал необратимый шаг, понимали все.

Набывчившийся Шатров деревянным голосом отчетливо проговорил:

– Сержант Ратнер, доложите о ситуации, и расскажите о проделанной работе.

Алекс благожелательно посмотрел на него:

– Командир, я за сутки сумел завоевать положение лучшего друга императора. Пусть временного, но императора. В данный момент я имею доступ к любой информации и, положение мое весьма основательно. Я уже могу оказать кое-какое влияние на ход исторического процесса.

Вы не поставили мне конкретной задачи, поскольку сами ее не имеете – Полянски совершенно прав. Я отчетливо чувствую некоторую недоброжелательность и недоверие – в чем, собственно, заключаются ваши претензии ко мне? То, что я не докладываю вам о положении дел каждые два часа? Мы не плацу, чтобы играть в солдатики. Пошевелите мозгами, какое впечатление производит человек каждые два часа разговаривающий сам с собой? Если я вас не устраиваю по ка-

ким-то причинам, объявите их прилюдно и замените меня другим. Но такую глупость не сделал бы даже школьник.

Алекс сознательно и отчетливо бил по слабому месту, максимально используя свои козыри. Все мрачно молчали, возразить было абсолютно нечего.

Наконец, Шатров заговорил, и слова эти стоили ему немалых усилий:

– Вы кругом правы, Ратнер. Мы столкнулись с областью деятельности абсолютно нам, военным, несвойственной. Похоже, вам единственному удалось выработать линию поведения и довольно успешную. Поэтому закончим неприятный разговор, продолжайте дело, как найдете нужным. По возможности выходите на связь почаще.

Движением руки отправил всех. Патрик задержался:

– Командир, хоть зарежьте меня, этот гаденыш что-то задумал. Вы обратите внимание – он совершенно изменился. Молчун-молчуном, а как заговорил.

Шатров поворошил веткой костерок, пламя ярко вспыхнуло.

– Патрик, я в полном дерьме. Мне не дали отчетливого приказа. Я, идиот, не разобрался в этом сопляке. Надо было послать Хольмана, посидел бы он чуток на каком-нибудь постоялом дворе, наснимал бы картинок, с тем бы и убрались восвояси. А этот, гляди, куда скакнул – уже лучший друг императора. Ох, боюсь, как бы он завтра не стал императором. Он что-то задумал, Патрик. У всех у нас чутье как у собак,

это поняли все. И это задуманное, похоже, направлено против нас. Что его могло привлечь в этой дыре?

– Ну, дыра дырой, а золотишка здесь хватит.

– А что он собирается с ним делать, на собственном горбу доставить в Систему? Хочет захватить «Тайфун» и поднять мятеж? Сделав первые движения в этом направлении, он подписывает себе смертный приговор. Ума не приложу, что ему нужно.

Патрик присел и тоже стал ворошить веточкой угли. Вспыхнувшее на секунду пламя заиграло точками в его светлых глазах.

– Шеф, аналитик из меня никакой, но вы совершенно правильно помянули о чутье. Парень этот принесет нам бездну хлопот. Почему мы не понимаем, чего он хочет? Он другой, для него огромную ценность представляют вещи, абсолютно нам безразличные. Мы все здесь нищета. У вас богатые родители? То-то, у меня то же самое. Мы считаем приличной свою копеечную зарплату, молодые годы угрохали на полигонах, тренажерах, полосах препятствий. Зрелые провели в каких-то мерзких инопланетных болотах, пустынях, среди аммиачных льдов, поджариваясь на всяких очень теплых планетках. Не пьем, не курим, женщин видим раз в году. Семей у нас нет – кому нужен виртуальный муж? В сущности, мы люди глубоко ненормальные – какой нормальный человек захочет такой жизни?

Ратнер вырос в другом мире, его можно понять. Если у те-

бя оттягали такие денежки – завоешь. Да и на коммерческих линиях житье прекрасное, я как-то летел на круизном лайнере к Джупу, там, на Европе тренировочный центр. Дело было срочное, никакой оказии не случилось, вот начальство и раскошенилось. Вот жизнь, доложу я вам – пажоны-офицеры, шикарная публика, бабы в мехах. Но, шеф, понимаете, ему и этого было мало, он ищет другого, чего-то гораздо большего. И нам эти поиски икнутся серьезными неприятностями. Кстати, он потребовал бластер и «тарелку».

– Дайте, черт с ним. Если не дать, он совершенно справедливо спросит: вы что же, бросили меня одного и безоружного? Если угрожает кого-то из местных – наплевать, а с нами такие шутки плохо кончаются.

Прав, прав был О’Ливи – хотелось Алексу гораздо большего. И не власть ему нужна была сама по себе – плевать он на нее хотел. Ему нужна была эта планета с ее могучими сказочными лесами, горными массивами, тонущими в голубой дымке, полноводными реками и желтыми сковородками пустынь. С ее разношерстным, жизнелюбивым и красивым населением.

Он один, только он, мог продвинуть вперед развитие этой планеты на столетия вперед. И пусть себе историки, экономисты и социологи врут, что-де всякому овощу свое время – ход истории не ускоришь. Чушь, господа мои! Алекс достаточно полно изучил историю Земли, бывали периоды, когда

страны, где население, пребывавшее почти в каменном веке, обретя экономические связи с Западом, мгновенно вырвались вперед и становились «молодыми тиграми» экономики. Человечество самодостаточно, вопрос упирался только в информацию. А ее хватит, уже набросан планчик – что можно сделать в первую очередь. Мне ведь не нужно, чтобы здесь начали клепать микросхемы, но вперед этот мир я могу здорово подтолкнуть.

Как больной зуб – мысль о коллегах, о паскудном деле, в котором он участвовал. Сейчас налетят благодетели, начнут выгребать недра. А чтобы прикрыть свои поганые делишки, начнут действовать по отработанному сценарию – всех перессорят, устроят войны, подбросят какую-нибудь биологическую заразу, с них станется.

Нет-с, други мои, ничего вам здесь не обломится. Конечно, противник очень серьезный и могущественный. Если уж говорить прямо, космический флот со всеми своими службами и подразделениями выполнял заказ крупнейших монополистов Системы, у которых было все – деньги, власть, влияние. Влияние было настолько мощным, что они сумели подчинить государственные структуры. Да они, собственно, уже и сами стали государством. Однако общество сопротивлялось, как могло, этим акулам. Результат – Комиссия по контактам, мощный и влиятельный противовес. Нельзя сказать, что она была кристально чиста и неподкупна, взяточные метастазы проникли и туда. Но все же... Зря Роберт так пре-

небрежительно о ней отзывался. Всякие космические управления панически боялись любых конфликтов с местным населением и в этих случаях всегда умывали руки, предоставляя действовать ставленникам монополий, работавшим под маркой психологов, социологов и еще бог весть кого. А уж они-то дело знали и никогда не работали напрямую, всегда использовали местное население. Бедный маленький Роберт Полянски рассуждал с чисто обывательской точки зрения. Да и какая у него могла быть другая. Ох, коллеги, коллеги, тупые недалекие солдафоны.

Посмотрим, ребятки, кто кого за жабры схватит, уж я найду способ вас прижать. Все козыри у меня на руках. Дойдет дело до Верховного суда – завертитесь, как наскипидаренные.

Алекс вцепился в перила балюстрады, сердце колотилось, гнев поднимался темными клубами. Прикрыл глаза, глубоко вздохнул, успокаиваясь. Спустился с балкона на дворцовую площадь, где были выстроены наличные силы, подчиняющиеся временному государю. Пошли со скучающим, недовольным Корсу вдоль идеальных «коробок» стражи – городской, дворцовой, портовой и таможенной. Алекс скромно пристроился за левым плечом государя. Откровенно наслаждался ярким красочным зрелищем: все стражники, вероятно, из бывших военных – рослые, крепкие. Одежда, снаряжение, оружие единообразны и в полном порядке, отличались только цветом рубах и офицерских плюмажей. Отлично, за-

мечательно, ах молодцы – нет ожиревших, все поджарые и мускулистые. Все преданно таращили глаза, хотя по всему видно было – неглупые, ох неглупые ребята. Алекс, проходя мимо «коробки» портовой стражи, заметил давешнего знакомого офицера, дружески подмигнул ему. Тихонько и почтительно (а как же, император все-таки) спросил Корсу:

– Скажи, государь, если бы ты захотел отметить офицера, как бы ты поступил?

Заинтересованный Корсу обернулся:

– Какого?

– Вот этого, сотника портовой стражи. Он мне оказал крупную услугу.

Корсу простецки поскреб макушку, сбив набок венков из синих цветов:

– Ну, можно дать ему хорошую должность, но это только в строевых частях, а мне они не подчиняются. Могу выразить личное благоволение и подкрепить мешочком золотых.

– Сделай, пожалуйста, я тебя очень прошу.

Скупердяй Корсу закричал:

– Помилуй меня, Всевеликий Кумат, что ж будет, Посланник, если мы станем каждому офицеру денежки отваливать?

– Не бурчи, Корсу, это надо сделать.

– И когда ты только успел столько знакомых завести?

Толстым пальцем подозвал начальника портовой стражи, огрузневшего слегка красавца с бычьей шеей и мощными бicepsами, пошептался с ним.

Повернулся к строю, сделал значительное лицо и гаркнул:

– Носитель отличного оружия, сотник портовой стражи Герта! Выражаю тебе личное благоволение и награждаю твое усердие и соблюдение имперских законов полусотней золотых. Прикажи выставить твоим воинам бочку вина, – Корсу вздохнул, – за мой счет.

Портовая «коробка» восторженно заорала:

– Живи, живи, живи!

Молодец Корсу, не поскупился. Офицер Герта просиял, вырвав из ножен короткий меч, отсалютовал. Справа на поясе у него висел дареный нож.

Поведение Несущего Бремя менялось, Корсу панически боялся собрания Совета. Уже стали прибывать первые наместники из ближайших провинций. Бывший казначей настолько был испуган, что даже не встречал прибывших, хотя это безусловно полагалось по этикету. Обозленный Алекс пытался вдохнуть в него мужество, убеждал, орал – все напрасно.

– Как же ты будешь председательствовать на Совете, дубина? Не возьмешь себя в руки – упекут в каменоломни. Я ведь могу в любой момент исчезнуть, что с тобой будет, ты подумал?

Корсу только трясся:

– Делай что хочешь, Посланник, только спаси меня.

– Да как я спасу тебя, если ты от страха ходить не можешь?

Наконец прибыл наместник Архода и Корсу окончательно слег. Чертыхаясь, Алекс извлек миниатюрную аптечку и вка- тил ему сразу два шприц-тюбика мощного антидепрессанта длительного действия.

Через четверть часа Корсу грозно засверкал вытаращен- ными глазами:

– Государь был болен, но сейчас выздоровел. Со мной ни- чего не бойся, о Посланник небес. Корсу передавит всех этих стервятников одним взглядом.

Алекс грустно вздохнул, прикидывая, хватит ли ему одно- го оставшегося тюбика, чтобы поддержать грозу всея Астура в нужный момент.

Наконец великий и ужасный день настал. Ближе к полу- дню к помпезному зданию Совета стали прибывать намест- ники, все с огромными свитами, разъяренные бесчестьем, которое нанес им проклятый купчишка.

В городе было беспокойно: стали шляться по улицам какие-то людишки, встрепанные, неряшливые – перешеп- тывались, принюхивались. Вылезли откуда-то отвратитель- ные нищие, демонстрировали свои язвы и увечья, кричали похабщину, пересмеивались. Из портовых кривых улочек, из мрачных пригородов поползли на просторные площади странные существа, которых и людьми-то назвать было бояз- но: в замызганных одеждах из дорогой ткани, надетых на го-

лое грязное тело, с бесценными камнями на невымытых лапах. Они поглядывали осторожно острыми глазками, либо смотрели нарочито равнодушно. Прохожие, омахиваясь ладонями, прибавляли шаг – побыстрее бы проскочить без беды. Городская жизнь пошла наперекосяк, все затаились, ходили слухи один страшнее другого: Несущий бремя уворовал всю государственную казну и скрылся, наместники ищут его. Наместников не пускают во дворец – Корсу решил сам стать императором. Нет, это вранье, с неба спустился Посланник Вышних и хочет сам править, чтобы наказать богатых и жестоких. Убили, убили уже Посланника, вырезали сердце и сожгли, чтобы Вышние не могли оживить его. Великий Кумат разгневан на Астур: ночью в храме на Двуглавой горе треснула стена, и упали две колонны – быть большой беде.

Алекс с любопытством разглядывал поднимающихся по ступеням широкой лестницы наместников: в большинстве своем крепкие жиливатые мужики. В кокетливо подвитых волосах – венки. Ветерок полощет отутюженные белые просторные одежды с широкими синими полосами понизу. Чуть поскрипывают роскошные, с позолотой, сандалии. Негромко переговариваются, улыбаясь, главные люди в государстве, деликатно поддерживают друг друга под локотки, душевно протирают руки, раскрывают объятия. Глазееет сквозь бронзовую фигурную решетку на них чернь, проникается уверенностью: все хорошо будет – вишь какие сильные, уверенные

в себе. Шалишь, эти не допустят беспорядков, чуть что – неугодных в каменоломни, пусть поработают до кровавого пота на благо Астура.

Рядом стоял вялый безвольный Корсу – действие антидепрессанта заканчивалось. Алекс вздохнул, приподнял широкий рукав хитона и ввел Несущему Бремя содержимое последнего тюбика. Корсу слегка вздрогнул, посмотрел пустыми глазами. Алекс поправил под рубашкой тарелку бодиглайдера, провел пальцами под ремнем португепи – тяжелая кобура с бластером оттягивала плечо, а под ремнем было уже мокро, жара набирала силу.

Нарочито грубые каменные скамьи в центральном зале государственного совета спускались широким амфитеатром к невысокой эстраде. На ней возвышался аскетичный, подстать скамьям, трон. Наместники пересмеивались негромко, вальяжно усаживались на пестрые вышитые подушки, на диковинные шкуры – готовились к необычному зрелищу.

Подбодренный могучим антидепрессантом, Несущий Бремя стремительно прошел к трону – взвились белые одежды. Уселся плотно, прилично сдвинув колени, впился огнедышащим взглядом в редкий белый полукруг. Для Алекса поставили рядом с троном скромную деревянную скамеечку.

Жиловатые мужики с острым любопытством разглядывали странного молодого человека в небывалой одежде. Корсу поднялся и загромыхал:

– Господа наместники! Сегодня вам предстоит избрать

императора Астура. Не моего ума дело обсуждать почему так вышло, но на Астур опустились Вышние и вмешались в нашу судьбу. Они сожгли Гортонскую рощу – приют нечестивых и безбожных философов. Здесь рядом со мной сидит их Посланник, и он объявил волю Вышних, которые хотят, чтобы он стал нашим императором.

Ого, наместников пробрало. Они зашумели, слышались гневные восклицания:

– Это сказки для простолюдинов! Слыхали мы эти байки о летающих драконах, изрыгающих огонь! Ты прохвост, Корсу, решил поживиться из государственной казны. В каменоломни его, низкого торговца.

Со своего места поднялся Картан, жесткий безгубый рот его презрительно кривился, глубоко упрятанные темные глаза полыхали злобным огнем. Он нарочито медленно и тихо стал цедить железные слова:

– Господа наместники! Этот жалкий простолюдин – опасный сумасшедший. Он нанял какого-то мальчишку, фокусника с Востока, умеющего творить, якобы, чудеса. Наша ужасная ошибка в том, что мы не создали в свое время охранительную группу Совета, как я настаивал. Видите, к чему привело благодушие – столица накануне хаоса. Чтобы спасти государство, нужно сию минуту убить их обоих, тут же. Кликните стражу, пусть они умрут прямо здесь. Только так мы избежим серьезных государственных потрясений.

Алекс поднялся. Ему был смешон этот злобный паук, бес-

контрольно распоряжающийся сотнями тысяч жизней.

– Не корчи из себя блюстителя государственных интересов, ты, прохвост. И ты прохвост в тысячу раз больший, чем Корсу. Тебе напомнить, сколько ты утянул из казны? Ты превысил в три раза сумму государственных налогов, ты полностью разорил богатейшую провинцию Астура. Сколько украденного золота в твоих кладовых? Ты берешь мзду с пиратов Южного моря – чем больше они ограбят судов, тем богаче станет наместник. Государственные серебряные рудники в Цекальских горах, закрытые по твоему настоянию, как опустошенные – сколько тетов серебра ты выгребашь оттуда? Две тысячи семей аристократов, казненных по твоим оговорам – где их имущество? В казне? Как бы не так. Сотой доли того, что ты совершил, достаточно для того, чтобы поджарить тебя живым.

Приподнялись кустистые брови, губы в веселом изумлении вытянулись трубочками – наместники с огромным интересом узнавали о проделках своего коллеги. Корсу молодец – двое суток напролет тайная стража систематизировала информацию о преступлениях Картана.

– Что до чудес, я тебе их сейчас продемонстрирую, – Алекс коснулся сенсора включателя бодиглайдера, медленно поднялся над скамеечкой, выпрямился и взлетел под купол. Брезгливо морщась, сгреб с карниза кучу птичьего помета и, пролетая над Картаном, плюхнул ее в ухоженную подвитую прическу. Несмотря на остроту момента, наместники друж-

но заржали. Взбешенный Картан вскочил, надо отдать ему должное – он был прирожденным атеистом:

– Господа, вы не раз видели на базарах проделки фокусников, они вытворяют кое-что и почище. Не отвлекайтесь, прикажите убить их немедленно!

Алекс, опустившийся на эстраду, сдернул с трона ополоумевшего вконец Корсу, основательно уселся, положил ногу на ногу и вытянул из кобуры бластер.

Оружие имеет магическую силу над людьми. Конечно, эти аборигены и близко не могли представить, что держит в руке мальчишка. Но вид серо-стальной металлокерамической штуковины с дырчатым кожухом термоизолятора произвел впечатление. Алекс пристроил локоть на колене, ослепительно-алая точка лазерного прицела улеглась на груди Картана. Притихшие наместники стали опасливо отодвигаться.

– Для тебя, Картан, есть еще один аргумент. Но, господа, это уже последний.

Ф-фух! Полыхнувший дымный луч уперся в наместника, сейчас же что-то лопнуло и поднялось облако зловонного пара. Вспыхнул багровый шар и на скамье, где сидел наместник Архода, неохотно горели черные останки, исходя смрадным дымом.

Оба соседа Картана, порядком обожженные, мгновенно скатились со скамьи.

Воцарилось недолгое молчание. Но эти ребята не зря были лидерами в своем мире – никто не завопил, никто даже не

дернулся. Наместник Северной провинции, худой высокий человек, брезгливо сморщил аристократический нос:

– Господа мои, вам не кажется, что здесь дурно пахнет? Отчего бы нам не перебраться в более благопристойное место и не обсудить сложившуюся ситуацию.

Он прикрыл выпуклые глаза истончившимися веками, потер торчавший подбородок и, улыбнувшись, сказал:

– В конце-концов великий Кумат сам выбирает себе оружие.

Группа живописно расположилась у стола в рабочем кабинете императора. На лицах было сдержанное оживление. Отлично, превосходно, дело шло к торгу. О, Алекс сторгуется с ними, безусловно. Голосом глубоким и значительным он произнес:

– Господа наместники, прежде всего я хочу вас поблагодарить за ваш высокий вклад в дело процветания Астура. Мне прекрасно известно скольких трудов вам стоит нынешняя мощь государства. Паршивая овца, единственная в этом благородном обществе, с божьей помощью устранена. Я человек безусловно государственный, – он жестко и внимательно прошелся взглядом по лицам собравшихся, – а интересы государства требуют от меня считаться с интересами самых важных персон в этом государстве.

О, мальчик говорил совершенно на их языке. Располагая огромной и непонятной силой, он, тем не менее, шел на разумный компромисс. Ну-ка, ну-ка, что скажет этот любопыт-

ный паренек?

Жизненный опыт не подвел их, они поняли, что мальчишка этот никакой не фокусник – фокусники так не думают и не разговаривают.

– Итак, господа, я глубоко сожалею, что подобным образом вторгаюсь в жизнь страны. Но такова воля Вышних. Вы можете в них верить или не верить, это ваше право. Но считаться с их силой вам придется безусловно.

Великий боже, сколько в нем открылось актерского дарования! Никогда, никогда, он даже помыслить не мог, что он способен на такое.

Алекс «держал паузу». Он пронизывал взглядом каждого до самых сокровенных глубин души. О, это был миг триумфа, бесконтрольные властители человеческих судеб, ужасные и незаконные тираны отводили глаза от этого сопляка, у которого и борода-то, кажется, не росла.

Алекс уперся в столешницу, взгляд его врывался в святая святых этих алчных людишек, вычитывал в них чудовищную и бесконечную жажду власти. Намеренно фальшиво улыбаясь, он медленно цедил:

– Вышние создали вас по своему образу и подобию, они ничем от вас не отличаются. Ваши помыслы мне открыты, – он тяжело уперся взглядом в белесые выпуклые глаза наместника Северной провинции.

– У всех у вас сейчас одна мысль: можно ли меня убить? Можно. Но для этого потребуются не ваши ничтожные си-

лы. И даже если меня убьют, вы, как люди государственные, должны понять – вас не оставят в покое.

Алекс сделал резкий жест рукой, остро улыбнулся:

– Вас будут убивать. Не всех сразу, Вышние прекрасно понимают, что страну нельзя оставить без руководства. А так, выборочно. Несогласных. Причем не так грубо, как я вам сегодня продемонстрировал. Поверьте, все будет гораздо тоньше.

Голос его стал жестким:

– Нам отлично известны решительно все персоналии от которых хоть в какой-то степени зависит судьба страны. И в нужном случае мы беспощадно уберем любого, кто нам станет ненужным.

Охо-хо, мальчишке приходилось верить – с тем, что произошло совсем недавно, невозможно было не считаться. Расшифрованный наместник Северной провинции смущенно покряхтел, слегка прокашлялся, скрывая легкое замешательство. Совсем-совсем другим тоном, почтительнейшим и благожелательнейшим, сказал:

– Мы верим, что ты действительно Посланник, – он усмехнулся, – аргументы оказались действительно очень вескими. Мы готовы признать тебя императором, – он требовательно повел орлиным носом в сторону коллег, те согласно закивали.

– Но оставим эмоции, мы не простолюдины. Давайте перейдем к насущнейшим государственным делам. Первое, –

в глазах его вспыхнул алчный огонек, – кто будет управлять Арходом? Второе – какие шаги собирается сделать в первую очередь наш новый император?

Ага, вот и начался торг. Какие прекрасные результаты принес обычный блеф. Алекс откинулся в кресле, уложил вытянутые руки на матовую черную поверхность и забарабанил ногтями веселенький марш, с удовольствием глядя на длинную холеную физиономию негласного вожака.

– Кто будет управлять Арходом решать вам, – наместники переглянулись удовлетворенно.

– Но у меня, как вы понимаете, есть кое-какие требования к новому избраннику.

Алекс поднял палец левой руки, этот жест он уже выучил:

– Во-первых, в течение недели найти все деньги, украденные Картаном и собрать их в одном месте. Распределятся они следующим образом: на уплату государственных долгов, выплату жалованья военным и чиновникам – треть.

На ремонт оборонительных сооружений, а они наверняка в безобразном состоянии – треть. Из оставшейся трети две части пойдут в казну, а одна, в качестве поощрения и платы за труды, пойдет новому наместнику.

Лидеры оживленно загомонили – это было хорошо, справедливо, грамотно. Девятая часть от награбленного Арходом – отличный куш, да и на другом тоже можно потянуть кой-чего. Но Алекс разочаровал их в тайных надеждах:

– За всей этой процедурой посмотрит мой казначей, – по-

косился на раздувшегося от важности Корсу, – а если с ним попытаются сговориться, я прикажу сварить его живьем.

Корсу посерел и захныкал:

– Как ты мог такое подумать, о великий. Я твой единственный и вернейший друг... – тут он поперхнулся и зажал рот руками.

Алекс холодно взглянул на него:

– Вот, ты уже набиваешься ко мне в друзья.

Корсу забормотал:

– Прости, прости, великий, вырвалось...

Алекс встал из-за стола, сцепил руки за спиной, стал не спеша прохаживаться вдоль стены.

– Кроме того, новому наместнику переходит в собственность вся недвижимость Картана.

О-о, это было уже совсем отлично. Подарок воистину императорский. Хотя мальчик был странным – лично себе ничего не взял, а поживиться было чем.

– Что до моих первых шагов, извольте. Первым делом я полностью выплачу задолженности военным и повышу жалованье десятникам и сотникам. Кроме того, ввожу небольшие пенсии для каждого, кто уже не в состоянии нести воинскую службу. Всем без исключения. В случае смерти воина эти деньги будет получать его семья, если она есть.

Вздых изумления пронесся среди наместников: такого никогда не бывало. Хотя планы сопляка были гениальными: армия привязывалась к нему неразрывными связями. В случае

чего солдаты и на командиров наплюют, только бы мальчишка был рядом.

Живой, веселый, хитрый наместник восточного Серенса растерянно сказал:

– Но, Посланник, для этого потребуются огромные деньги, где их взять? Придумывать новые налоги? Их и так уже около семидесяти, больше брать просто нечего.

Алекс выбросил палец:

– Первое – суды переполнены, зачастую судятся по совершенным пустякам. Отныне обращение в суд писать только на специальном пергаменте с изображением государственного герба. Этот лист будет стоить дорого, гораздо дороже того, что он стоит на самом деле. Весь доход пойдет в казну. Кожевникам и художникам денег за работу не платить, а внести ее стоимость в счет уплаты их налогов.

– Я отменяю все налоги, от которых нет прибыли государственной казне. Это произведет хорошее впечатление на народ, нам же не будет стоить ни гроша. В дальнейшем я оставлю пять-шесть видов налогов, не больше. Но тот, кто станет уваливать, отправится прямиком на плаху.

Алекс выбросил второй палец:

– Я создаю почту – доставку писем и посылок. Стоимость пересылки будет невысока, но почтовые сборы будут огромны – людей в стране много. Третье и самое главное – я создаю государственный банк. Я беру на сохранность деньги у всех желающих, плачу им за это небольшой процент – чем

больше сумма вашего вклада, тем выгоднее хранить ее. Кроме того, в пределах Империи вам незачем будет возить с собой крупные суммы, подвергая свою жизнь и благосостояние опасности. Я заведу отделения банка во всех крупных городах и каждый состоятельный человек может в любой момент получить деньги со своего счета. И это, господа, только начало.

Нет, мальчишка действительно был фокусником. Он извлекал буквально из воздуха такие суммы, от которых у видавших виды наместников кружились головы. А проклятый сопляк уже уташил в душу каждого светлые буркалы, пронизывал до самых печенок, словно в развернутом свитке читая самые потаенные мысли.

– Что, господа наместники, головки закружились? Какими деньгами пахнет, верно? Хорошо бы поживиться, а? Я дам вам возможность поживиться: вы будете получать от меня крупные премии и наградные, если станете усердно помогать мне в моих начинаниях. Если же попытаетесь запустить лапу в казну – будет то, что с Картаном, – он похлопал по кобуре, – это я вам обещаю.

Хорошо летним вечером в припортовом районе. Узкие улочки тонут в мягком сумраке, зажигаются первые, скудные еще, огоньки в маленьких окошках. Скрипит редкая повозка – рабочий день закончился, народ наружу вывалил. Идут, громко переговариваясь, рабы-грузчики, чисто вымытые, в приличных рубахах. Идут, позванивая монетками, зарабо-

ток хорош – хозяин отпустил погулять.

Местная молодежь сбивается в кучки на углах: бренчат шикарными бронзовыми браслетами, грызут орехи, задирают шлюх, рыщущих в поисках клиентов. Местные воротилы в богатых вечерних хитонах солидно восседают в носилках – проверяют, как идут дела в кабаках, матросских ночлежках, публичных домах.

Над входом в таверну «Утешение моряка» укреплена высушенная ветка финии, приветливо мигает масляный фонарик. У каменных столбов вздыхают, переминаются на кривоватых ногах привязанные хети, постукивают о тесаные плиты клешнятыми копытами. А как же, у хромого Баргуса в его «Утешении» бывает очень приличная публика, случается, даже господа портовые писцы заглядывают.

В большом сводчатом зале для людей попроще шумно и весело. За тяжеленными деревянными столами, на чурбаках, (стулья держать невыгодно – ломают) моряки со своими подругами, разный портовый люд – цеховые грузчики, чернорабочие с верфи, вольные гребцы с галер. Сюда идут каменотесы из портовых мастерских, молотобойцы из кузниц, пускают даже рабов-оброчников – Баргус рад всем. Но чтобы без всякого озорства! Хозяину не нужны неприятности от портовой стражи. Слишком буйных мгновенно вышвыривает на улицу гигант Торгу – невероятной силищи человек. Вот он за плечом хозяина, маленького, скрюченного, хромого, но очень проворного человечка с физиономией древ-

него зверя Тэх, о котором поганые философы (тьфу ты, пакость!) болтают, что он, якобы, предок человека. Баргус решает драться в своем заведении только рыбакам после путины, они оставляют немалые деньги в кошельке хозяина. Приходится, конечно, делиться с портовой стражей за то, что они не замечают рыбацкого шумства и буйства, но дело того стоит.

Под сводчатым окошком, у самого хозяйского прилавка, за отдельным столиком восседает тучный, опухший от пьянства, Пих-крючок. На самом деле старый судейский крючок, знающий и умный, но изгнанный за пьянство и буйный непокорный нрав. Сидит, вертит плешивой башкой, ждет клиента с какой-нибудь тяжбой. Хозяину хорошо перепадает от клиентуры Пиха, и тот пользуется в заведении немислимыми привилегиями – отдельным столом и кредитом в трудные времена.

Гремят тяжеленные кованые сандалии, бряцает оружие – обход портовой стражи. Рослый десятник в кожаном, с железными бляхами, панцире появляется на пороге, гладкий шлем ширкает о дверной свод, такой он огромный. Стоит, расставив ноги, левую руку держит на рукояти кривого тесака, в правой жезл. Орлиным взором осматривает обширный зал, тонуший в полумраке, мерцающем огоньками масляных ламп.

Ух ты, всех насквозь видит, о каждом все знает – такого и императору не стыдно в своей страже иметь. Хозяин момен-

тально хватает поднос с чашей самого лучшего вареного, с каплей живой воды, вина, шустро ковыляет к дверям и почтительно подносит угощение. Гость медленно, с заметным наслаждением, выцеживает багровую влагу, вытирает губы тыльной стороной ладони. Баргус незаметно касается его руки, тихо звякает серебро, исчезая в поясной сумке десятника. Теперь дальше, кабаков много и стражники живут хорошо. Но и хозяева за ними, как за каменной стеной. Случись какая заваруха, уличный сторож тут же заколотит в огромный гонг, что есть на углу каждой улицы. Тут же раздается тяжкий грохот солдатских сандалий, и уж не ждите пощады подвыпившие любители подраться, грабители и прочие нарушители покоя. Так отвозят дубинками, обтянутыми кожей, что потом, даже если захочешь подраться – не сможешь. Поэтому-то на портовых улицах так тихо и мирно, не любит местную стражу темный люд. С ними не сговоришься, поэтому приходится промышлять в других местах.

Славно, славно, вечер в самом разгаре. Баргус с наклеенной улыбкой на тощее физиономии, привычно шарит остренькими глазками – нет ли непорядка какого? Трое его рабов и пара вольных наемников едва успевают растаскивать подносы с тяжелыми кувшинами: пиво, дешевое кислое, дорогое вареное вино – все расходуется моментально.

В чистом зальчике – благородная публика: мелкие купцы, портовые писцы и серьезные воры. Ловкий раб, смуглый красавец, гибкий тонкий, скользит меж столами, шеп-

чет пару слов хозяину и получает маленькую скляночку с живой водой. Стоит она больше, чем здоровенный раб-грузчик зарабатывает за неделю. Почтительно подносит стеклянный флакончик господину – предводителю воровской шайки. Бледненький, болезненного вида старичок, благодушно машет рукой, отпуская раба. Огромный черномазый мужичинище, как тень стоящий за спиной старичка, из-под полы плаща достает тонкий хрустальный бокальчик, изысканно граненый и нежно звенящий, ставит его перед старичком. Тот, затаив дыхание, осторожно и увлеченно выливает в бокальчик чистую, как слеза великого Кумата, живую воду. Долго сидит, шевеля пальцами и закрыв глаза. Окружающие почтительно взирают на него. Наконец он решительно хватает посудину, одним махом опрокидывает ее и замирает, задыхаясь и выпучив глаза. Через минуту приходит в себя и начинает жадно пожирать маринованные овощи и моллюсков. Покрывшийся потом Орху, главарь северной шайки, выпускает воздух сквозь вытянутые трубочкой губы.

– Ну ты даешь, старик. Мы по сравнению с тобой – так, мелкота. Я однажды попробовал эту штуку, мало не помер. Три дня потом встать не мог.

Старик вычищает широким ножом моллюска из раковины, с шумом втягивает его сквозь сжатые губы, упирает железные глазки в говоруна:

– Хе-хе, поэтому ты мой подручный, а я над тобой, как орел на скале. А, кстати, кто это там орет в нижнем зале,

словно ему отрезают что-то?

– Господин, это рыбарь Тору хвастается, что выловил сун-на в четыреста тетов весом.

Старик поперхнулся:

– Ну врать здоров! А ну-ка, приведите его ко мне.

Орху смущенно кряхтит и осторожно произносит:

– Почтенный Тиксу, мы не в своем месте. Здесь рыбарей полна харчевня, они нас в порошок сотрут.

Почтенный Тиксу легко соглашается:

– А и не надо. Кажется, кто-то опять бухает солдатскими башмачищами. Стража уже прошла, кого там Гес несет?

Один только Тиксу с изощренным слухом старого вора услышал в общем шуме негромкие шаги. Зашел человек в темно-сером плаще с капюшоном, лицо в тени. Эге, публика в «Утешении» тертая и мгновенно все видящая – на ногах у вошедшего странная, невиданная нигде обувь: черной шикарной кожи с ремнями через подъем. А еще шнуровочка и толстая, необыкновенно красивая подошва. С аппетитом разгорелись глаза у всяких приметливых людишек из нижнего зала: хорошие башмаки на госте, почитай, и у императора таких нет. Толку с его золоченых сандалий, а тут, братья мои, и носочек, вроде бы, серебром окован. Ах, вот бы...

Но за вошедшим по узким ступенькам спустились четверо лбов в таких же плащах с капюшонами. Ну, уж этих хоть сам великий Кумат укрой волшебным покрывалом, по одному запаху учуешь – солдатня. От них отчетливо воняло кожей

снаряжения, особенным железным запахом, которым пахнет смазанное маслом оружие. А еще здоровым потом – это ж с ума сойти в такую жару в плотных плащах.

Один из лбов зацепился плащом за край стола и этого было достаточно, чтобы увидеть – ребята были в боевой армейской броне, в полном снаряжении, с подвешенными к портупейным поясам кривыми мечами и ножами. Да еще на заднице у каждого боевой тяжелый топор. А броня, заметьте, ребятки, не какая-нибудь новешенькая, нет – битая, с вмятинами и глубокими царапинами. А откуда на солдатской броне такие следы берутся? То-то, это вам не портовая стража, это настоящие армейские рубаки, от которых надо держаться подальше. Разве что у тебя завелась лишняя монетка, тогда можешь с изъявлениями величайшего почтения поднести доблестному господину солдату здоровенную чашу хорошего (неприменно хорошего, а то ведь обидится) вина. Он, этак, хватит его, винище-то, глаза закроет, подышит носом, потом руку в щегольском жесте выбросит: служу императору и народу. И сдержанно так, кивком поблагодарит: спасибо-де и валите отсюда, если больше поднести не желаете. Да, вот какие ребятки пожаловали в «Утешение».

Вошедший первым, прошел к дальнему столу у стены. Один из солдат мгновенно выбил ногой чурбак из-под вкопец пьяного раба, ногой же небрежно отшвырнул его и, бережно обмахнув чурбак полой плаща, поставил его у стола. Господин, по всей видимости, уселся и откинул капюшон, а

потом и вовсе сбросил плащ. Вся публика в кабаке охнула: невиданной, нездешней красоты юноша, с синими глазами и золотыми кольцами волос, вольно откинувшись, улыбаясь, смотрел на зал. Солдаты встали за ним, откинули капюшоны: жесткие лица, стиснутые изрубленными шлемами, мрачны и подозрительны.

На божественном юноше серо-зеленая мягкая... туника ли, рубашка ли, обтягивает широкие плечи. Толстой желтой кожи портупея (о, уж это знакомо, не ошибемся). На ней, подмышкой левой руки, такой же чехол, конечно, с оружием. А что еще может носить такой молодой и красивый юноша, от которого на сто шагов веет властью и какой-то небывалой, нечеловеческой силой.

Шлюшка Фона, по кличке «Репей», долго болталась в кабаке между гостями, все перебирала. Она была красивая девушка, могла позволить себе выбирать клиентов. Случалось, ее за это поколачивали, но не сильно. Зато уж кого она выбирала, отвязаться от нее не мог никакими способами, за что ее и прозвали Репьем.

Фона, увидев странного юношу, замерла надолго. Глаза ее залились слезами от напряжения. Медленно, как загипнотизированная, стала подходить к столу. Солдаты дернулись, остро подались вперед. Их господин предупреждающе поднял палец: спокойно-де, ребятки, волноваться нет причин.

Фона приблизилась, преклонила колени.

– Я не могу поцеловать даже край твоей одежды, ты си-

дишь далеко, а подойти к тебе не могу – боюсь.

Голосом странным, диковатым, идущим, казалось, из глупины чрева, сказала:

– Грудь моя томится желанием, золотоволосый. Одна я здесь знаю, что ты высшее существо: при виде тебя у меня оледенели ноги, а голова в огне – я умираю от тоски по тебе. Даже говорить с тобой – великое счастье для меня. Я, уличная женщина, по кличке Репей, осмелилась сказать богу. Прости недостойную за дерзость, золотоволосый, приласкай меня, и я всю оставшуюся жизнь буду молиться на тебя.

Странный юноша встал, легко выскользнул из-за стола и... о, великий Кумат, ласково погладил по голове шлюху Фону. Та, рыдая, обняла его ноги. Странный этот человек небрежно полез в поясную сумку ближайшего солдата, зачерпнул полную пригоршню золотых и высыпал их в край плаща девки. Ветхая ткань затрещала, но выдержала.

Безутешная Фона, рыдая, поднялась. Стоящий неподалеку рыбак болезненно закричал: о Вышние, пяток больших добрых лодок беспутной девке. Как несправедливы бывают боги!

И тут зашелестело, понеслось по всему кабаку: «Посланник, Посланник!» Все мгновенно поняли кто этот странный юноша. Наступил миг всеобщей растерянности, публику переполняли чувства: радость оттого, что их понимают, ими не гнушаются. Благодарность и желание кинуть все к ногам странного человека – бери все, ничего для тебя, такого, не

жалко, хоть душу возьми, все равно никому не нужна.

Выразитель восторга нашелся: Пих-крючок легко поднялся из-за своего столика и вышел на пустое место. Ох, как он изменился, походка изящная, пластичная, брюха и нет, вроде бы. Склонился перед юношей и голосом глубоким и звучным, так не похожим на его осипший тенорок, произнес:

– Посланник, мы вас, наконец, дождались. Ваш народ приветствует вас. Что нам все земные владыки, когда вы с нами? Что бы ни случилось, помните: мы ваш народ, мы вас любим, мы ждем от вас помощи и защиты, потому что никто кроме вас за нас не заступится.

Зал взорвался. В соплях и слезах все орали, обнимались, не двигаясь, впрочем, с места. Понимали – ты орать-то ори, но ведь из Вышних все-таки. Приличие знать нужно, мы ведь не какая-нибудь деревенщина.

Алекс молчал, чуть улыбаясь, незнакомые, колоссальной силы чувства, переполняли его. Надо было что-то сказать. Он поднял руку, наступила мертвая тишина. Нарочито негромко, но так, чтобы было слышно в каждом уголке, сказал:

– Я тебя люблю, мой народ. Я буду тебе добрым правителем, – он неожиданно сильно заволновался. – Я обещаю: сделаю все, что в моих силах, чтобы вам жилось если не хорошо, то хоть полегче.

Ну-ка спросите любого старика: кто из правителей Астура с людьми так разговаривал? Весь кабак в один голос заорал:

– Наш бог, наш император, никого другого не хотим. Живи, живи, живи!

Алекс отер лицо: впечатление было чересчур сильным, разрывало душу. Еще немного и он не выдержит: полезет обниматься с этими необыкновенно славными ребятами. Нет, нет, этого нельзя допустить, он властелин и не имеет права на такие чувства. Глубоко вздохнул, жестом приказал солдату вывернуть поясную сумку, горка золотых монет рассыпалась по темному дереву столешницы. Отчетливо сказал хозяину: – Угости всех на славу.

Пошел к выходу – в добре, в восторге, окруженный невыносимой концентрированной любовью.

Последний из солдат, уходя, жестко взглянул на Баргуса: – Ты слышал, хромоногий? И упаси тебя Кумат зажилить хоть грош – разнесем твою корчму вдребезги!

Солдатам такие щедрые подачки не перепали, они злились.

Алекс точно рассчитал свой шаг с кабаком, наутро весь город гудел. В глинобитных домишках окраин, тонущих по утреннему делу в клубах кизячного дыма, в лавчонках и харчевнях, на плантациях винной ягоды перемалывалось одно: Посланник, кабак, Посланник, народ, «Утешение», император, спаситель.

Каждый вчерашний посетитель «Утешения» сделался на короткое время важной персоной, которую охочие до ново-

стей рвали на части. Из чего персоны извлекали немалую для себя выгоду.

Баргуса и Крючка Пиха вытащили из постелей и заставили рассказывать об этом небывалом и невероятном. Баргус тоже взял свое: встал на пороге кабака и пригрозил, что не пустит ни одного, кто не купит вина, пива, или хоть, на худой конец, супа из потрохов. Дело моментально пошло в гору, рабы, пыхтя, уже второй раз вкатывали в «Утешение» огромную бочку пива.

– Корсу, завтра с утра отправляемся смотреть плавильни.

– Ох, Посланник, мыслимое ли это дело для государя – ходить в плавильни?

– Ничего, ничего, я еще не государь, коронация через неделю.

– Ты государь уже даже для господ наместников, – Корсу поежился, вспомнив сцену в Государственном совете, – что уж о простолюдинах говорить. И почему завтра, ведь надо все к твоему приходу приготовить. Там ведь такое место, похуже, чем в каменоломнях. – Корсу опять поежился, вспомнив, насколько близки были эти каменоломни.

– Упаси тебя Кумат что-либо готовить. Ступай, распорядись.

У высокой стены, сложенной из дикого камня, под навесом валялись двое стражников, вконец разомлевших от жары. Один из них поднял голову, прислушался, потом вскочил:

– Копыта стучат, живо по местам.

Дал пинка рабу, дрыхнувшему у дверей караулки, зарычал:

– Отворяй, быстро!

Через минуту оба стража вытянулись у ворот, салютуя копьями промчавшейся кавалькаде: рабочей колеснице императора и двум десяткам всадникам из дворцовой стражи.

Раб закрыл ворота. Младший охранник, белый как мел, тихонько сказал:

– Ну и слух у тебя, брат. Только благодаря тебе спаслись. И что тут императору понадобилось?

Не менее бледный напарник пробурчал:

– Это сам Посланник, Гес его припер. Теперь держи ухо востро, назад будут ехать.

Вытянул древком копья заклевавшего носом раба:

– Не смей спать, ленивая скотина!

Раскаленный воздух дрожал над плавильнями. В облаках дыма терялись очертания низких глинобитных построек, конических печей, навесов. Ревел воздух, нагнетаемый в топки мехами, ревели измученные хети, приводившие эти меха в движение, тяжело ухал механический молот, перекрики-

вались рабы и подмастерья. Алекс с острым любопытством оглядывался вокруг, это вам не собрание наместников, это индустриальное сердце Астура. Посмотрим, на что местные ребята способны.

Посеревший от страха начальник плавилен стоял перед Несущим бремя. Корсу, надсаживаясь, прокричал:

– Старшего мастера сюда, немедленно.

Алекс предупреждающе поднял руку:

– Не нужно, Корсу. Пойдем, сами поглядим, чем он занимается.

Главбух, как его окрестил Алекс, с огорчением покачал головой: не императорское, дескать, дело, но перечить не стал.

Не нужно тут было ничего готовить, везде были чистота и порядок. Длинные поленницы аккуратно уложены под навесами на отшибе – упаси Кумат, загорятся. Модельщики из звенящего твердого дерева резали таран для галеры. Мелкие формы – фрагменты фигурных решеток, звериные лапы для столов, дивной работы маскароны, аккуратно разложены на полках.

В кузнечном дворике Алекс внимательно осмотрел механический молот. Десяток хети уныло бегал по кругу, таща за постромки спицы огромного кабестана. Усилие через остроумную систему шлицевых колес передавалось на храповик рычажного молота. Двое кузнецов плющили раскаленную заготовку, поворачивая ее длинными клещами под бой-

ком могучей кувалды, однообразно грохавшей по наковальне. Двигались проворно и слаженно. Мускулистые тела, защищенные прожженными кожаными фартуками, блестят от пота, мокрые волосы стянуты ремешками.

У плавильной печи четверо здоровенных рабов, мерно раскачивая огромный лом, выбивали глиняную втулку. Ослепительная струя расплавленной бронзы хлынула в желоб и потекла, краснея, в изложницы. Над ней с треском лопались зеленые звезды, клубился ядовитый, с резким запахом, дым. Мастер, в длинном кожаном балахоне, близко подошел к формам, вглядываясь в металл сквозь закопченный кусочек слюды.

Старший мастер Вартус, по прозвищу Драчливый, нашелся у остывшей печи, где он с усердием охаживал короткой дубинкой нерадивого подмастерья: на отливке галерного тарана обнаружилась большая раковина.

Подмастерье только кряхтел, не пытаясь защищаться – знал, каналья, что виноват.

Коренастый Вартус разъяренно повернулся на оклик, буря подходящих носорожьими глазками. Однако, увидев императорскую стражу, присмирел, только сопел недовольно.

Алекс щелкнул пальцами, писец услужливо подал деревянный планшет с листком пергамента. Фломастером быстро набросал эскиз, протянул мастеру:

– Скажи, Вартус, ты сможешь сделать такую отливку?

Драчливый одобрительно повертел лохматой головой, перетянутой ремешком, серебряная серьга в ухе закачалась:

– Ты рисуешь почти так же хорошо, как наш художник. Дело это ненадежное – слишком длинный канал, могут быть раковины.

– Ох, вот этого никак нельзя допускать.

Вартус долго сопел, уставив могучий нос в эскиз. Потом покряхтел:

– Государь, а что если отливку сделать цельную, а канал потом высверлить?

– А есть чем?

Мастер поманил его за собой. В глубине обширного сарая возвышалось некое сооружение. Положив руку на каменный фундамент, Вартус горделиво задрал бороду и важно изрек:

– Дивная и небывалая механика! Гляди, государь.

Алекс с юмором подумал:

– Черт возьми, гении во всех мирах одинаковы.

Однако очень внимательно осмотрел подобие гигантского сверлильного станка: на верхней площадке кабестан, с подвешенными к спицам камнями, закреплен на вершине железного вала.

– Чем сверлишь, мастер?

Вартус взял с полки насадку – в кусок бронзы вплавлены две стальные пластины, отточенные до бритвенной остроты.

Алекс покачал головой:

– Ты молодец, Драчливый, но это не годится.

Вартус заносчиво задрал бороду:

– Это почему же?

Алекс потряс вал, вставленный в отверстия деревянных балок:

– Сильно болтается, можно испортить отливку. Сделай так, – стал набрасывать эскиз, – здесь закрепи бронзовые вставки с отверстиями, наплавь внутри них олово и обильно смазывай во время работы.

Мастер ревниво сопел, потом, пересилив себя, неохотно сказал:

– Воистину ты из Вышних, государь.

Вздохнул с сожалением:

– Я бы до этого никогда не додумался.

Алекс, засмеявшись, хлопнул его по плечу:

– Успокойся, друг мой. Ты и так один из великих механиков в своей стране.

Вартус раздулся от гордости, словно гриб после дождя, носорожьих глазки засверкали: шутка ли – сам император назвал его своим другом.

Корсу, зашипев, досадливо, зашептал на ухо:

– Государь, ты очень неосторожен, разве можно называть человека низкого происхождения своим другом?

Алекс насмешливо улыбнулся:

– А ты сам высокого происхождения?

Обвел присутствующих жестким, государственной строгости взглядом:

– Кто еще не слышал: старший мастер Вартус, по прозвищу «Драчливый», мой личный друг. А ты, мастер, постарайся, сделай для меня то, о чем я прошу. Я в долгу не останусь – ты будешь богатым человеком.

Прикрылись носорожьими глазки, лицо свирепого Вартуса помягчело, расплылось в мечтательной улыбке:

– Домик, домик на террасе у залива, пониже храма светлоликой Ассаи. С садиком. У меня есть на примете. Много вина, хорошей еды и красивая рабыня. И никаких печей, никаких остолопов и бездельников, – мастер пнул оцепеневшего подмастерья. Тот и уйти боялся, и стоять дальше не вмоготу было: а ну как еще плетей всыпят, да за испорченную отливку вычтут?

Алекс предупреждающе поднял палец:

– У тебя будет не домик. Небольшой дворец я тебе обещаю. У тебя будет вдоволь вина и хорошей еды, рабынь – сколько осилишь. Но о покое не мечтай, ты мне нужен здесь. Такие изделия вскоре придется делать сотнями. И каждое должно быть изготовлено наилучшим образом. Кроме тебя этого не сделает никто.

Мастер вздохнул:

– Я горд твоим вниманием, Посланник, хотя иметь высоких друзей дело хлопотное и опасное. Не знаю, зачем эти болванки нужны, но чувствую, что дело государственное. А ты ведь из тех, кто щедро дарит, но и спрашивает жестоко, верно?

– Верно, мастер, верно. Сейчас же принимайся за работу. – Он повернулся к Корсу – Проследи, чтобы ни в чем недостатка не было. Сегодня этот человек важнее всех наместников вместе взятых. Ибо на их место найдется множество людей, а этого не заменит никто.

Похолодало. С моря тащило низкие – вот-вот за макушку зацепятся – облака. Многочисленные суда в гавани, подпрыгивая, мотались на швартовах, моряки бездельничали. Ночью стражникам разрешили развести костры – было необычно холодно для этой поры.

Дворцовая челядь закуталась в синие казенные плащи. Алекс велел расставить везде медные жаровни с углями, вокруг них кучками тряслись слуги, грели руки. Государь же блаженствовал, наслаждаясь прохладой. Он чертил за рабочим столом. Рядышком сопел Драчливый, ревниво вглядываясь в появляющиеся линии. Он действительно был гениальным механиком, мгновенно разбираясь в разрезах и проекциях.

Бурчал:

– Это просто, я бы и сам смог додуматься.

Алекс проговорил рассеянно:

– Ага, лет через двести.

Мастер не обратил на его слова никакого внимания.

– Можно обточить железный вал, – и торжествующе, – а чем ты будешь резать железо, никакой булат его не возьмет,

это тебе не бронза.

– Возьмешь у Корсу пару небольших алмазов и велишь дворцовому гранильщику обработать их вот так – пирамидкой. Будет резать как масло.

Драчливый разочарованно взмахнул рукой:

– У тебя на все готов ответ. Легко тебе рисовать, а вот попробуй-ка сделать все это.

– А я тебя зачем главным механиком назначил, может мне еще самому кувалду взять? Могу показать, тебе же стыдно будет, император молотом машет – мастера учит.

– Механик, механик, слово-то какое выдумал, чистое ругательство. Не бывает таких слов.

– Теперь будет. Ну-ка вали отсюда, ступай работать, а то вот прикажу палачу, он тебе живо кожу с задницы обдерет. Сам почувствуешь, каково быть битым – Алекс засмеялся.

Вартус, неохотно оторвавшись от чертежей, закосолапил к выходу.

В углу кабинета над жаровней дрожал Корсу, закутанный в плащ – один нос торчал.

– Что, Корсу, замерз? Погоди, мы вот на север сплаваем, с ледяных гор на щитах нагишом покатаемся. Ух, здорово!

Корсу затрясся еще сильнее:

– Ну и развлечения у вас там наверху. Меня однажды банщик окатил водой пополам с этим самым льдом – мало глаза не вылезли. Тебя, должно быть, на льдине зачинали.

– Позови-ка мне управляющего государственными земля-

ми, как бишь его, Торк?

Торк, веселый плешивый толстяк, с умным пронизательным взглядом, склонился в низком поклоне.

– Скажи-ка мне, управляющий, велика ли доля государственных земель?

– Велика, государь, но обрабатываются они крайне плохо, доход с них незначительный.

– Не боишься признаваться, ведь тебя за это, вроде бы, выгнать надо?

– Не боюсь, потому что знаю, кому говорю. Земли обрабатываются рабами, а значит, обрабатываются скверно. Рабы, как ты понимаешь, никак не заинтересованы в хорошей работе – приходится содержать огромный штат надсмотрщиков. Вся эта свора, набранная из уголовников, пожирает значительную часть и так небогатых доходов, поскольку числится государственными служащими.

– Что же, по-твоему, надо сделать, чтобы увеличить доходы от этих земель?

Торк почтительно склонился, пряча хитроватую улыбку:

– Не знаю, государь.

– Знаешь, знаешь, не заставляй меня подсказывать.

– Боюсь даже выговорить, государь. Выход небывалый, он вызовет острое недовольство крупных землевладельцев, они большая сила.

– Ну, тогда скажу я сам: надо земли отдать в аренду вольным землепашцам из лучших.

Управляющий с уважением посмотрел на него:

– Ты читаешь мои мысли, государь. Но есть опасения, что эти землепашцы, объединившись, вздуют цены на хлеб, которые и так высоки.

– Цены вздули землевладельцы, которые объединились уже давно. Арендаторы будут продавать свой товар намного дешевле. Вынуждены будут. Они полностью в наших руках – плату за аренду назначаем мы.

– А что делать с крупными? У них есть достаточно серьезные воинские формирования, их недовольство конкуренцией будет огромно. Кроме того, большинство наместников представляет их интересы.

– С наместниками я справлюсь. Если же латифундисты попытаются применить силу, мы объявим кому-то из соседей формальную войну, созовем ополчение и, таким образом, лишим этих господ силы. А затем разделаемся с недовольными в два счета.

– Воистину мудрое решение, государь. Приток дешевого хлеба оживит торговлю и позволит накормить народ.

– Теперь ты читаешь мои мысли, Торк. Этого я и хочу. Ступай, исподволь подготовь все тщательно. И никому ни слова. Придумай что-нибудь.

Кровь из жестоко изрубленного тела почти вся ушла в пе-

сок, покрывавший небольшую арену. Остались позади сначала бешеная ярость первой схватки, потом холодная злоба, потом отчаянное желание укрыться хоть как-то от безжалостных клинков и, наконец, полное равнодушие. Сморгу умирал. Сейчас возникло ощущение полной свободы. Как в далеком детстве: проснешься ночью, тело неподвижно, а ты над ним легко потягиваешься и переворачиваешься в воздухе.

Сморгу уже отчетливо знал, что нет никакого Кумата и остальных богов – все это враки. Нет и никакой загробной жизни, он просто сейчас исчезнет и все. Этот короткий миг абсолютной свободы был упоителен – последнее ощущение уходящей жизни.

Жалкие остатки от двух десятков молодых, здоровых и сильных бойцов топтались на арене. Они были покрыты ранами и совершенно измотаны – удары наносили вяло, защищаться уже никто не помышлял. Уходить, уклоняться, уворачиваться не было сил, а деревянные щиты, обитые толстой кожей, были разбиты вдребезги.

Барт, хозяин поместья, положив вытянутые руки на перила галереи, окружающей арену, с удовольствием оглядел песчаный овал, усеянный трупами, обломками оружия, залитый кровью.

– Ну, что ж, господа, схватка была хороша, верно?

Он небрежно махнул служителям:

– Этих отдайте лекарю, кто выживет, пусть живет. И при-

берите арену. А мы сейчас отобедаем. Прошу к столу, господа.

Тощий жилистый Фаргон, северный сосед Барта, владелец не меньшего, пожалуй, поместья, выловил крылышко редкостной птицы топ из острой подливки:

– А скажите, любезный сосед, отчего вы не разрешаете делать ставок в отличие от прочих? Имели бы хороший куш.

Барт пренебрежительно скривил тонкие губы:

– Я богат, дружище, и не нуждаюсь в этих грошах. Кроме того, деньги вносят в волнующую картину некий нездоровый азарт, пачкают удовольствие.

– Скажите, какой эстет, – массивный толстоногий Троф, примеряясь, помахивал кинжалом над аппетитным куском мяса, тушенного с пряными травами.

Он покачал головой:

– Сколько молодых сильных рабов загублено ради жестокой прихоти. Сколько они сделали бы разной работы. А дать им здоровых и красивых рабынь в жены, сколько потомства они произвели бы.

Барт снисходительно улыбнулся:

– Вы известный прагматик, Троф. Не зря вы родом с Запада. В тамошних провинциях все, кажется, такие. Но здесь, в метрополии совсем другая жизнь.

– Побоища ради развлечения запретили и здесь, в метрополии.

Маленький, злобный, крючконосый Кош яростно замахал

кинжалом:

– Это проклятый продажный Совет хочет охолостить народ Астура, лишит азарта, страсти, жизненной силы!

Барт поднял руку:

– Успокойтесь, господа. Мы собрались сегодня ради очень важного дела. Вы, конечно, слышали, что проворачивает плешивый Торк? Он отдает государственные земли в аренду вольным крестьянам. А это значит, что часть арендаторов уйдет от нас, поскольку там арендная плата ниже. И, соответственно, хлеб они будут продавать дешевле. А это уже очень серьезно, господа.

Господа крупные землевладельцы дружно загалдели:

– Мы разоримся!

– Этот плешивый пузырь сам бы никогда не решился на такое.

– Посланник, Посланник, ставленник продажных наместников, виноват. Это его рук дело.

– Кстати, господа, откуда этот сопляк взялся? И как он умудрился за такой короткий срок почти стать императором – коронация уже назначена.

Барт ударил в маленький медный гонг. Сдвинулась дверная портьера из пестрого шелка, пропуская маленького тощего человечка с цепким пристальным взглядом. Он осторожно ступал по полированным плитам жилистыми ножками. Склонился почтительно, но без страха – знал, видно, себе цену. Кашлянув, заговорил:

– Посланник пришел с Песьих водопадов. У них там... – человек замаялся, – корабль не корабль, дом не дом, не поймешь, что это такое. Похоже на веретено с крылышками или на рыбу фош, только огромное. На нем они прилетели. А живут они в маленьких шатрах. Там настоящие чудеса, этот корабль видно только на восходе и закате, когда Светило низко. В остальное же время он невидим, – соглядатай поежился. – Вместе с Посланником их пятеро. Это люди – они едят, мочатся и испражняются как обычные люди. Но в их шатрах слышны некие другие голоса и бывает жуткий треск и вой. А однажды, когда был туман, – человек обмер от воспоминаний, – играла громкая музыка, и огромные видения почти нагих женщин плясали и пели. Они были много выше деревьев, и вид имели непристойный, – соглядатай сплюнул.

– Они могущественны: у них есть оружие, которое ослепительным лучом может уничтожить камень величиной с дом. Такой камень загоразивал вход в бухточку, где им нравилось купаться. Один из этих людей с расстояния в полторы сотни шагов поразил лучом этот камень. Он мгновенно стал малиновым и со страшным грохотом взорвался, далеко разбросав крупные осколки. Был пожар и начальствующий, с обгорелым лицом и белыми глазами, ругал стрелка.

Двое из оставшихся любят ловить рыбу и варят из нее на костре похлебку. Я думаю, – говоривший на секунду запнулся, – поймать кого-то из этих двоих можно. Но нужно не менее двух десятков очень ловких, сильных и скрытных бой-

цов. Не должно быть ни малейшего шума, тогда можно уйти с ними. Они невероятно быстры и очень опытные, владеют приемами боя здесь неизвестными. И сделать это можно только днем, ночью вокруг их логова, – соглядатай в изумлении поднял руки, – невидимая, мягкая и упругая стена. Пройти через нее невозможно.

Он еще раз склонился:

– Письменный отчет я сдал в вашу канцелярию, эшуф. Я сказал все, позвольте мне удалиться.

Барт выдвинул ящичек драгоценного серебряного комода, достал замшевый, нежно звякнувший мешочек и небрежно бросил его соглядатаю. Тот ловко поймал свой гонорар.

– Твоя плата будет удвоена, ты работаешь хорошо. Запоминай любую мелочь и подробно все описывай. Ступай.

Воцарилось долгое молчание. Молодой гибкий раб серой тенью скользил в сгущающихся сумерках, раздувая фитилек, затепливал рожки масляных ламп.

– Господа! – красноватый свет рельефно вылепил половину морщинистого лица, обрамленного серебряной гривой, сверкнул на белке выпуклого глаза.

– Господа, сегодня древнему Астуру угрожает опасность, которой еще не случалось за всю его двухтысячелетнюю историю. И она даже не угрожает, страшные события уже в разгаре. Еще немного и основы будут потрясены – древний Астур рухнет.

Железный Старец, Вогу мудрый, Большой Эшуф, вольно

положив локоть на спинку кресла, обвел взглядом сидевших за столом.

– Значит, и мы превратимся в прах. А мне еще пожить хочется – он тонко улыбнулся. Неожиданно звучным и ясным голосом сказал:

– Эти люди, кто бы они ни были, должны быть уничтожены. Любой ценой, немедленно.

Фаргон опасливо пробормотал:

– Поди-ка уничтожь их. У меня есть соглядатай в Совете, он рассказывал, как мальчишка спалил Картана. От него осталась только кучка зловонной золы.

Старец упер пристальный взгляд в Фаргона. Тот смущенно завозился.

– В молодости я путешествовал по дальним южным странам. Там в пещерах до сих пор живут древние звери. Они огромны, быстры, как молния, свирепы, как осенняя буря. Их мышцы – чистое железо, у них клыки длиной в полтора пальца. Они нападают на таких же древних волосатых людей, у которых нет никакого оружия, кроме копий с каменными наконечниками и таких же каменных топоров. И эти люди, которые толком ходить не умеют, убивают свирепых тварей. Делают ловушки: роют ямы с кольями на дне, искусно маскируют их ветвями. Они уже извели почти всех пещерных властелинов, которые стали их бояться. Вы слышите, бояться! Значит можно почти голыми руками одолеть самых свирепых, злобных и могучих хищников. Поэтому, оставьте стра-

хи и за дело. Тем более, что вам самим, – Вогу презрительно усмехнулся, – никого убивать не придется. Может быть, погибнут сотни или даже тысячи бойцов и охотников – наплевать, Астур дороже. И погибнут они, делая великое дело, – Вогу сморщился, – а не ради вашего развлечения.

– Да подвинься ты, Гесово отродье!

– Сам ты дерьмо сушеное! Не толкайся, а то я тебя так толкану – враз вниз загремишь.

– Ну, деревенщина наглая! Развелось вас тут.

– Скажите, городской выискался. Я хоть и деревенщина, да дерьмо за скотиной на улицах не подбираю как некоторые.

– Тогу, голубок, дай-ка твой костылик, я этих горлопанов поучу.

Здоровенный костыль обрушился на спины ссорящихся. Те взвыли и скатились по гроыхающим медным листам кровли. Тут же появились новые зрители, коих внизу было предостаточно.

Да, местечко было в самом деле замечательное, за него не жалко отдать пару медных монеток служителю храма. Городская площадь как на ладони. Разношерстная публика облепила кровлю плоского фронтона храма Кумата Вседержителя, бранилась, пересмеивалась, обменивалась тумаками, грызла орехи и плевала скорлупу на головы почтенных го-

рожан. Стражники сбились с ног: гоняли, конечно, но без всякого успеха. Потом офицеры плюнули и махнули на все рукой. Посадили на крышах своих, те внимательно следили, чтобы, упаси Кумат, никого не было с оружием: за простой нож слету можно было угодить в каменоломни. Да и не было ни у кого ножей, кому охота кайлом махать.

– Ах, Фиона, сестричка, смотри, Посланник. Какой красавчик, волосы невиданные, чистое золото. Вот бы такого мужчину.

– Тихо вы, потаскухи. Одно у вас на уме, готовы с самим Куматом переспать.

– Заткнись, скопец! В лавке у себя командуй.

Снизу офицер стражи яростно погрозил жезлом.

– Тихо, братья, портовик. Этот не поленился согнать, плакали тогда наши денежки, – публика притихла ненадолго.

Стали переговариваться опять, но осторожно, вполголоса.

– Слыхали, братья, государственные земли в аренду вольным землепашцам отдают.

– Во, богатеи взбесились. Хлеб-то подешевеет. Говорят, свое ополчение собирают, хотят столицу воевать.

– Не оторвется им. Посланник велел пенсии солдатам выплачивать – они за него горой, кому хошь глотку перервут.

– Тарс-войка на Нижней Портовой мелочную лавочку в рассрочку взял, в счет пенсии. Вот повезло человеку, три дня пил.

– Наместников прищучил, говорят. В плавильнях рабо-

ты появилось навалом, но берут только хороших мастеров. Небывалые дела, – говоривший понизил голос до шепота, – Вартуса Драчливого своим другом объявил. Тот от важности даже драться перестал – совсем другой человек.

Эх, братья, неужели нам солнце посветило – могучий горбун, просивший у Тогу костылик, вытаращил налитые кровью глаза, закинулся и заревел медвежьей глоткой:

– Живи, Посланник!

Народ на крыше в один голос подхватил:

– Живи! Живи! Живи!

В ночь перед коронацией Алекс не ложился спать. Долго бродил по темным спальным покоем, полный глубокого злобного раздражения. Думал:

– Господи, ну чего я злюсь? Все отлично, я на вершине. Не должно быть такого настроения.

Но таинственный зверь – подсознание – навязывал свою игру. Порылся в сумке, извлек дорогую платиновую зажигалку – изящную вещицу, что передавалась в роду Ратнеров четвертое поколение. Вскрыл пачку «Золотого руна» – подарок Шатрова, жадно закурил. Густой медовый аромат наполнил покой, голубоватый дым поплыл тонкими слоями. Клевавший носом в углу, Корсу, оживился, втянул ноздрями дым. Здесь, слава Богу, не курили. Сонным голосом поинтересовался:

– Что это, государь? Курение богам, развлечение или удо-

вольствие? О, Вышние, какой аромат!

Потом робко:

– А можно мне попробовать?

– Нет, Корсу, нет. Незачем тебе это пробовать. Скажи-ка мне лучше, есть ли во дворце живая вода?

Корсу вытаращил глаза, суеверно омахнулся ладонью:

– Что ты, государь! Это же яд.

– Тащи, тащи, тоже мне – яд. Да захвати маринованных моллюсков.

Корсу принес пузатенький хрустальный графинчик, дрожащими руками наполнил крошечный бокальчик, горестно вздохнул.

Алекс чертыхнулся, вылил всю сивуху в серебряный бокал, выдохнул воздух, проглотил одним махом. Вдохнул, сморщился, выловил из горшка моллюска, жадно проглотил. Корсу сделалось плохо: еще бы, накануне коронации лишиться лучшего в мире государя, защитника и благодетеля. Потом робко открыл один глаз: Алекс, посмеиваясь, шагал по покою, глубоко затягиваясь, курил.

– Воистину ты из Вышних, Посланник. Этого бокала хватило бы на десятерых здоровенных рабов. Они бы свалились с ног и неделю провели в страшных мучениях.

У Алекса все отмякло внутри, жидкий огонь пошел по жилам. В голове слегка зашумело и пришло желанное ощущение покоя, силы, уверенности в себе – словно родился заново в ином, чудесном мире. Душа наполнилась ожиданием неверо-

ятного и дивного.

Утром Корсу едва растолкал его:

– Государь, свита ждет тебя, пора приступать к омовению.

– Подождет омовение. Вели прислать лучшего мечника, хочу пофехтовать. Да прикажи подать не армейские коротышки, а самые длинные мечи, какие есть.

Тонкий в талии, с могучим торсом, бородатый мужчина надменно посмотрел на государя: будь ты хоть самим Куматом – спуску тебе не дам. Длинный, слегка изогнутый карт, тупой фехтовальный меч, вертелся как живой в его руке.

Алекс взял пару, пружинисто присел, и два меча, по-македонски, вспыхнули сияющими веерами. Через полминуты меч противника отлетел в сторону, воткнулся в пол и закачался, тонко заныв. Фехтовальный мастер без испуга поднял ладони и с искренним почтением сказал:

– Государь, ты величайший мечник из всех, кого я знаю в Астуре. С тобой не справился бы даже мой учитель, а уж он-то знал толк в этом деле.

Полный через край перехлестывающей энергией, веселясь от всей души, Алекс сказал Корсу:

– Награди мастера как следует, моя победа – добрая примета. Сегодня я хочу всем принести радость.

Бесконечные коробки войск таяли в голубоватой дымке огромной площади. Все в начищенной боевой броне, в синих парадных шарфах.

Заканчивалось перестроение, протяжно, резко обрываясь на последнем слоге, звучали команды. Мерно грохотали кованные сандалии, хрипло ревели длиннющие, метра в два, трубы.

Командующий, Верховный Гарусс, четко повернулся спиной к войскам и выдернул меч, салютуя группе, стоявшей полукругом у жертвенника храма Кумата Вседержителя.

Лица наместников, высших государственных чиновников императорской свиты, важны и полны значительности. Все в белых плащах, с широкими синими оторочками, в венках из синих цветов.

Корсу тронул за плечо, тихонько сказал:

– Говори, государь.

Алекс, долго и безуспешно пытавшийся заучить невероятно сложную и головоломную формулу присяги, решил плюнуть на нее. Опять сильно заволновавшись, ясным и звучным голосом сказал:

– Народ Астура! Я человек по имени Александр фон Ратнер, по прозвищу Посланник, принимаю титул государя и клянусь до самого конца своей жизни, до последнего издыхания любить свой народ, быть строгим и разумным правителем для богатых, отцом и заступником для всех бедных и неимущих. Клянусь привести Астур к богатству и величию.

Крамола жуткая, конечно. Но, похоже, никто и не слушал того, что он говорил. Установилась какая-то прочная связь между ним и этой огромной толпой. Тысячи глоток заревели:

– Живи! Живи! Живи!

Церемониймейстер поднял золоченый жезл, крики мгновенно смолкли. Запел огромный хор, мужественные и сильные голоса рассказывали нечто, от чего в душе поднимался древний осадок, небывалые впечатления переполняли душу. Двое седых патриархов осторожно сняв синий веночек, положили на голову Алекса дивный венец – прихотливо переплетающиеся золотые лапчатые листья усыпаны мелкими бриллиантами так, что и золота не было видно. В глубоком молчании – слышно было, как посвистывали какие-то городские птахи – свитские сняли свои венки и, бросив их под ноги, растоптали. Им тут же подали новые. Ритуал отвержения старой власти и признания новой был совершен. Алекс стал императором Астура.

Патрик поклевывал носом, сонно таращился на поплавок. Играли золотые блики на поверхности воды, какие-то местные зимородки пикировали на неосторожных рыбешек. Шумно трепыхая зелеными крыльями, словно пробки, вылетали из воды, уносили серебряные блески в чашу могучих деревьев, нависших над тихой заводью. Неумолчный шум водопадов на противоположном берегу убаюкивал, слипались веки.

Шорох, раздавшийся за спиной, был абсолютно инород-

ным, здесь ничего не могло так шуршать. Животных не было, коллеги не могли подкрасться и испугать – такие шутки у десантников исключены, можно было поплатиться головой.

Многолетний рефлекс сработал мгновенно. Патрик пал на руки, спружинил, и нанес ногами мощнейший удар. Сзади кто-то болезненно икнул. Перекатился на спину, уходя от места контратаки, резко выгнулся всем телом, оттолкнулся локтями и оказался в боевой стойке. Маленький, похожий на ящерицу, человечек корчился, схватившись за живот, ременная удавочка валялась рядом. На то место, где предполагался Патрик, четверо ловких и проворных мужиков в мягкой коже набросили прочную сеть. Увы, через секунду они уже запутались в ней, получая жестокие и безжалостные удары.

Ирландец заорал:

– Петер, аларм!

Толстяк, пыхтя, ловко отбивался от второй четверки. В это время сухо защелкал карабин: Роберт методично всаживал в пришельцев ампулы со снотворным.

Через пять минут девять охотников похрапывали на лужайке. Десятый, видно главарь, наладился удирать через реку. Плавал он плохо, Патрик мигом выволок его из воды и скрутил в козлы.

Шатров процедил:

– Развяжите его.

Невысокий сухой мужик с жестким ястребиным лицом

насмешливо поглядывал на десантников – ни хрена не боялся.

– Лихой парень. Говорить, конечно, не станет. Роберт, вкатите ему дозу «болтушки». Черт возьми, уж не подарок ли это от нашего Птенчика?

Патрик почесал хищный облупившийся нос:

– Едва ли. Алекс умен, он никогда на это не пойдет. Скорее всего, это из местных.

Роберт (он дежурил) смотался в лагерь. Сняв предохранительный колпачок, воткнул иглу шприц-тюбика в предплечье гостю, прямо через мягкую кожу охотничьей куртки.

Подождали минуты три, следя за лицом предводителя. Оно помягчело, на нем проступили испуг и растерянность.

Роберт мягко спросил:

– Назови свое имя, кто ты и твои люди, зачем вы напали на нас?

– Я Мурх, старший охотник в поместье эшуфа Барта. Мой господин, – монотонно говорил Мурх с выражением полного ужаса, – собрал у всех соседей самых ловких, сильных и отважных бойцов и охотников. Велел скрытно схватить двоих из вас, тех, кто ловит рыбу, и доставить к нему. Если получится, он заплатит большие деньги, нет – отправит нас драться на арену. Больше я ничего не знаю.

Шатров присвистнул:

– Похоже, это местные латифундисты заинтересовались нашими скромными особами. Интересно, почему?

Петер пожал плечами:

– Что ж тут непонятного? Скрыть наше присутствие невозможно, охотники шныряют везде. Мы же находимся на земле этого Барта – кто смеет ловить мою рыбу, стрелять моих кроликов, топтать мою траву? Похоже, что любая территория здесь только кажется пустынной, на самом деле у нее есть хозяева и не очень приветливые.

Шатров мрачно вышагивал, сцепив руки за спиной.

– Роберт, вы у нас самый умный, что там гласит долбаная философская концепция по этому поводу?

– Любая жизнь в первую очередь стремится сохранить себя. Мы непонятны, а значит, опасны, нас надо уничтожить любым способом. А если, вдобавок, мы не агрессивны и никак не проявляем своей силы, то тут уж сам бог велел.

Шатров вздохнул:

– Все это так, но сдается мне, что наш Птенчик хотя бы косвенно замешан в этих делах. Ладно, грузим чижиков на платформу. Роберт, вывалите эту банду где-нибудь возле деревни.

– Шеф, не завидую ребятам, их хозяину здорово не понравится, что они не выполнили задание.

Шатров разъярился:

– Что прикажете, идти сдаваться хозяевам, чтобы они пожалели эту сволочь? Курорт кончается, за пределы защитного поля выходить только по моему разрешению. По периметру установить стрелковые установки, зарядить жесткими

парализаторами – пусть только сунутся. В любом случае надо отсюда сматываться – мы здесь засиделись. Но сначала... – Шатров на секунду сцепил зубы, под обожженной кожей забегали желваки, – мы разберемся с нашим дезертиром.

– Гнездо, с вами говорит император Астура.

– Вот как? Вы уже, стало быть, не Птенчик? Как же-с, наблюдали за коронацией, имели честь. Кстати, ваше величество, вам предписывается немедленно возвратиться в лагерь, наша миссия здесь закончена.

– Вы напрасно иронизируете, Шатров. Я действительно император крупнейшего здешнего государственного образования, и моя миссия (он подчеркнул «моя») только начинается. Я предлагаю вам отбыть на ваш корабль, потом незамедлительно на Землю. Передайте начальнику экспедиции мои требования: немедленно сообщить Комиссии по контактам об открытии цивилизации на Астуре и установить с нами официальные отношения на государственном уровне. До этого – никаких зондажей, никаких исследований. Ваши проклятые акулы не получают эту планету.

– О, я для вас уже даже и не «господин майор», а так, просто Шатров, нечто вроде рассыльного? Слушай ты, император всея говна, для меня, а значит для всей Системы, ты просто сержант Ратнер, дезертир и бунтовщик, угрожающий Системе, военный преступник, подлежащий немедленному уничтожению. Вопрос стоит таким образом: либо ты добро-

вольно возвращаешься в лагерь, в наручниках отправляешься на «Тайфун» и тебе гарантируется жизнь, правда на рудниках. Либо я отдаю приказ о твоём немедленном уничтожении.

– Перестаньте гроыхать, Шатров. За что не люблю военных, так это за тупость. Во-первых, достать меня совсем не просто, во-вторых, загляните-ка в бортовые кассеты, парочки аварийных буев вы не досчитаетесь. Информационная емкость у них небольшая, но мне хватит, что до мощности... не вам рассказывать. Будете предпринимать что-то против меня – я активирую буи и через двенадцать часов вся Система будет знать, в какое дерьмо вляпался майор Шатров. Все.

Сцепив руки за спиной, Шатров мрачно вышагивал вокруг костерка. Размышлял.

– Да, Алексей Николаич, влип ты, брат. Куда ни кинь – все клин. Вот проклятый сопляк, подставил по полной программе. Карьере конец, начальство стрелочника всегда сыщёт. Всю жизнь пахал, чинов особенных не выслужил, а возраст, заметьте, уже на пределе. Обвинят быстренько во всех грехах и турнут с половинной пенсией – прощай коттедж на Смоленщине. Денег хватит лишь на то, чтобы поселиться на какой-нибудь «псевдо» с искусственным климатом в стандартной конуре-ячейке. Раз в неделю вызывать шлюху, словно такси, а по вечерам напиваться до чертиков и тарашиться в экран дешевого УАСа. Тьфу ты, пакость.

С другой стороны выполнить требования Ратнера... Лучше уж сразу пулю в лоб. Чтобы старший офицер-десантник вышел с такой информацией даже на начальника экспедиции – прямая дорога в психушку. Этот вариант отпадает безусловно.

В первом варианте один шанс, правда, имеется: группу формировал зам начальника управления по третьему сектору: никто ни моего совета, ни моего согласия не спрашивал. Вот пусть старый хрыч и отдувается. Такое невероятное дельце в архивах сектора похоронить не удастся. В любом случае скандал примет огромные размеры. Бросить такой лакомый кусочек, целую планету, с прекрасными показателями по редкоземельным и внетабличным – шутки что ли? Корпорации, алчность которых безгранична, нажмут на политиков, такое завертится... О каких-то вшивых десантниках и не вспомнит никто. Важно представить информацию в полном объеме и доставить этого гаденыша на «Тайфун». Либо прикончить. Важно и то, что такой вариант полностью совпадал с требованиями Устава. Сделать все аккуратненько, чтобы комар носа не подточил. А там посмотрим...

Десантники помалкивали – понимали в какую дрянь врюхались. За всю историю десантуры такого не бывало.

Шатров поднял голову:

– Хольман, Полянски, отправляйтесь в город и доставьте Ратнера любой ценой, живого или мертвого. Патрик, обеспечьте доставку группы и связь. Контроль на мне. Разрешаю

пользоваться любым оружием.

Алекс быстро шел по анфиладе роскошных покоев, трепетали, летели за ним складки белого одеяния. Сзади пыхтел Корсу, слева бесшумно скользил Борх, личный секретарь, держа наготове планшет с пергаментом. В край планшета вделана крошечная чернильница, в руке у Борха очиненное птичье перо – нововведение прижилось быстро. Внимательные карие глаза секретаря устремлены на императора, лицо пергаментное от недосыпания. Работает как машина – толковый парень. Алекс поразился тому, как быстро меняются люди: свитские перестали важничать, церемониться, дрыхнуть после обеда. Все стали ужасно деловыми. Усмехнулся, попробуй не стань, мигом вылетишь из свиты, а лишишься благосклонности императора, это, знаете ли, не шуточки.

Алекс на ходу помассировал лицо, спать хотелось дико.

– Борх, дружище, что там у нас на очереди?

Толстая физиономия Корсу перекосилась от ревности, только он один до сих пор не мог понять чего стоит дружеское обращение императора.

Борх кашлянул и четко ответил:

– Сейчас официальное представление высших военачальников и гаруссов страны. Двенадцать начальствующих над коурами, да четыре гарусса – шестнадцать человек, – заметив недовольно сморщенное лицо императора, твердо продолжил, – государь, их надо принимать персонально, иначе

обид не оберешься, это важно. Да еще Торк просится вне всякого расписания – у него что-то срочное.

– Вызови немедленно.

В приемной, огромной зале с мраморными колоннами и изумительной работы бронзовыми скульптурами, на скамьях драгоценного черного дерева, важно сидели высшие военачальники. Сияла полированная позолота парадных панцирей и шлемов, ярко цвели синие, алые, пурпурные, желтые форменные... рубахи, туники, или как там их. Горделиво выставлены орленые жезлы, но ножны пустые – не положено входить к императору с оружием. Хоть и окружают малый трон два десятка лихих рубак в боевой броне, хоть впивается в присутствующих пристальным взором десятков лучников, прячущихся на галерее – из тех, что с тридцати шагов в безветренную погоду всаживают стрелу в стрелу, но... мало ли что.

В самом уголке приемной скромно жался сотник портовой стражи Герта. До представления императору ему было далеко, он сопровождал в качестве телохранителя гарусса портовой стражи. Но... Доползли, доползли слухи о происшествии в порту. Не шутки – сотник Герта причастен к становлению нынешнего императора, и тот на построении отметил именно его. Не зря выбрал гарусс его своим телохранителем. Попасть в приемную императора – небывалая честь для рядового офицера.

У Алекса молнией блеснула отличная мысль. Он на секун-

ду остановился, громко сказал:

– Сотник портовой стражи Герта, немедленно ступай за мной.

О, как обиженно, оскорбленно, негодующе вытянулись физиономии местного комсостава. Как, в день представления первым потребовать жалкого сотника из порта! Впрочем, большинство утешилось – должно быть, поганец попался на взятках и из императорского кабинета ему прямая дорога в каменоломни. Такое бывало, не станешь же с треском отправлять на казенные работы начальника коура или гаруса – с теми расправлялись по-тихому. Белый как мел Герта немедленно последовал за свитой. Лишь только его гарусс, старый хитрый лис, сиял как медный таз. О-о, он-то знал, в чем дело: его подчиненный из столичного порта угодил молодому императору. А под чьим крылом вырос такой орел? То-то.

В роскошном приемном кабинете Алекс уселся в кресло, крепко хлопнул себя по ляжкам, с удовольствием посмотрел на по-прежнему бледного Герту. Статный парень, маленький шлем на сгибе левой руки, в правой, у бедра – короткий орленый жезл.

– Герта, ты мне нужен. Я тебя назначаю своим главным представителем во всех вооруженных силах Астура. Ты будешь неукоснительно и тщательно выполнять мои личные указания. Обо всех случаях неповиновения будешь докладывать непосредственно мне.

Герта побледнел еще сильнее:

– Государь, я простой сотник, как я могу указывать начальникам коуров или гаруссам?

– Алекс привстал, вцепившись руками в край столешницы.

– Теперь ты мое орудие, понял? Ты слышал, что я из Вышних? – Герта боязливо кивнул. – Так вот, я лучше знаю, что ты можешь, а чего нет. Выполняй мои приказания беспрекословно, иначе можешь потерять голову. Сегодня же прикажешь начальствующим шести коуров поднять войска. Лично поведешь их и разместишь их неподалеку от шести крупнейших латифундий. Каких именно, тебе укажет мой секретарь. Коуры выберешь сам. Их боевая задача – встать рядом с именями и проводить учения. Можете растоптать посеы и вырубить близлежащие плантации винной ягоды, хотя это не обязательно – на твое усмотрение. Но кормить твои коуры (Алекс подчеркнул «твои» – Герта зарозовел) будут только хозяева поместий. В первый день войска получают довольствие из казны, в остальные шесть-восемь дней их должны содержать господа землевладельцы. И попробуй мне отклонись от рациона, я тебя сгною в каменоломнях. Мои любимые воины должны быть хорошо накормлены. Если они прихватят парочку свиней у господ землевладельцев, думаю, ничего страшного не случится, – Алекс подмигнул Герте. – Ступай. Жди в приемной, получишь именной указ. И возьми вот это – Алекс протянул бывшему сотнику портовой стражи

золотой перстень со своими инициалами. О, вот это подействовало самым положительным образом: Герта снова зарозовел, выпятил грудь, с коротким поклоном принял перстень и четко повернулся через левое плечо.

– Как странно, – рассеянно подумал Алекс, – здесь тоже через левое плечо военные поворачиваются. Отчего бы такое сходство?

Первый высокопоставленный военный вышел из кабинета. Скромно стоявший в углу Торк, откровенно захохотал:

– Воистину ты из Вышних, государь! Шесть тысяч прожорливых солдат в имении – какая уж там война. И попробуй не дать – императорский указ. Солдатня любит пожрать, рациона всегда мало. Ох, многого в своих владениях не досчитаются господа землевладельцы.

– Но, государь, осмеливаюсь тебя оторвать от важных дел вот по какой причине. Земли мы отдали, но срок посева уже миновал. Поля засеяны скверно и вольные землепашцы очень недовольны, требуют скостить хлебные подати на два года и выдать для подсева хороший казенный хлеб в рассрочку. Кроме того, в одиночку они не смогут обработать участки даже при наличии тягловой силы. Да и куда девать бездельников-рабов? – он выжидательно посмотрел на императора.

Алекс разозлился:

– Послушайте, Торк, перестаньте паясничать. Я вижу вас насквозь, вы умны. Чего вы ко мне лезете со своими безделицами? Вы же отлично знаете, что подать действительно нуж-

но уменьшить, зерно выдать, да еще и предоставить денежные кредиты – пусть обустройстваются. Что до рабов – продайте их в рассрочку землепашцам, тем, кто пожелает взять. Кто не хочет, пусть нанимает батраков. Оставшихся рабов немедленно на строительство основных государственных дорог – план у Борка. Привыкайте работать сами, у вас отличные мозги. Мое дело – контролировать вашу деятельность.

Алекс и Корсу после утомительного приема прогуливались по нижнему парку. Вкрадчивыми, колеблющимися струями выползал туман из водоемов, слоился между кривыми чешуйчатыми стволами, мерцал в свете поднимающихся лун. Все плыло, было неверным – как во сне. Сзади осторожно – поскрипывал песок под коваными сандалиями – следовала четверка солдат. Лунные блики отсвечивали на гладкой стали шлемов.

– Скажи-ка мне дружище Корсу, – казначей чуть не застонал от досады: отчего же никто не слышит таких слов, кроме разве солдат, а им наплевать.

Алекс взял Корсу под толстый локоть, бедняга совсем скис от восторга.

– Скажи мне, Корсу, ты ведь умнейший человек (казначей стал уже беспокоиться: что это с венценосным, больно уж ласков), что бы ты предпринял, если бы на тебя кто-то охотился?

Проницательный толстяк моментально все понял:

– Государь, тебя преследуют... – он замялся – соплеменники?

– Да, Корсу, да, и они опаснее всего Астура вместе взятого.

– Я знаю, государь, насколько они опасны. Группа лучших охотников Барта была усыплена в несколько мгновений, а их предводитель выболтал все, что только мог. И его никто не бил и не пытал.

– О, это пустяки для них. Они непременно постараются меня выкрасть, или, на худой конец, убить. И придут они сюда, во дворец.

Корсу горделиво приосанился, выпятил толстый живот и залихватски произнес:

– Нас Кумат тоже не прутиком сшивал, и мы кое-что умеем. Давай сделаем вот что: везде усилим охрану, окна и галереи заложим мешками с песком, закроем все дыры, чтобы червь не пролез. А одну дырку оставим в самом глухом и заброшенном месте, забыли про нее, а то и вовсе не знали. Есть такая дверца в фундаменте дворца с южной стороны – про нее даже гарусс дворцовой стражи не ведает, про нее лет сто назад все забыли.

Алекс захохотал:

– А ты, пройдоха, ее отыскал, чтобы казну вытащить?

Корсу обиженно покачал головой:

– Что ты, государь, через эту дверцу ничего не вытащишь, там ловушка, каменный мешок. Сзади и спереди опускают-

ся каменные плиты, и готово дело – мешок закрыт. Никто и охнуть не успеет. Я велю особым людям привести в порядок и смазать механизм. Готов в каменоломни идти, они полезут именно туда, больше просто некуда.

Алекс поскреб уже обгоревший нос:

– Попытаются бластером пробить отверстие? Нет, если помещение небольшое, сами изжарятся. Кажется, дело выгорит. Ты молодец, Корсу! Этой услуги я не забуду.

Шатров с Патриком возились со стрелковыми установками. Шатров был зол и издерган: молва о вышних пришельцах разнеслась, похоже, по всему Астуру. У границ защитного поля торчало десятка три любопытствующих. Это пока был самый пустой народ – мелкое ворье, бродяги, деревенские дураки. Они кривлялись, паясничали, что-то оралы, с изумлением пробовали на ощупь защитное поле.

У Шатрова под обгорелой кожей ходили злые желваки: никаких нервов не хватало видеть этих придурков. Наконец, дело дошло до крайности – один из слабоумных задрал рубаху и выставил славной десантуре тошую голую задницу. Патрик зарычал:

– Шеф, не могу больше!

Шатров процедил:

– Пугани их из огнемета, факел установи покороче.

Ирландец метнулся к треноге, влип в нарамник прицела, повел коротким стволом, бормоча:

– А вот я сейчас установлю короткий факел, больше он на этой заднице сидеть не будет...

Ф-фух! – тонкое веретено пламени потянулось к маленькой толпе, завиваясь на конце бубликом, Патрик идеально отрегулировал факел.

Раздался многоголосый вой, вспыхнуло тряпье, затрещала горевшая трава. Искателей приключений как ветром сдуло, только мелькали босые пятки.

Ирландец повел хищным носом, сморщился – воняло горелым. Удовлетворенно захохотал:

– Неделю, как минимум, ни одна сволочь носа сюда не сунет.

Полянски, с интересом поглядев представление, вновь занялся подготовкой снаряжения. Петер безвылазно сидел в палатке, проглядывая ультразвуковые голограммы дворца, настраивал наручные навигаторы.

Высунул наружу широкое добродушное лицо:

– Ну что ж, мой Роберт, самое главное прорваться во дворец, там мы уже не заблудимся.

Шатров проворчал:

– Не говори «гоп». Видел, как они все дыры запаковали, тройное кольцо оцепления, сети, ловушки.

– Ничего, шеф, с южной стороны каменистая промоина и отличные заросли.

– Да там же пустая стена, ни одной дырки нет.

– Есть, шеф, есть. Даже не дырка, дверь. Правда, придется повозиться, она засыпана. Видите, сканер ее точно вычислил.

С недалекого побережья доносился слабый ритмический шорох прибоя, из дворцовых садов тянуло густым пряным ароматом ночных цветов. Посвистывали, ухали в невидимой листве крылатые полуночники.

Роберт и Петер, подсвечивая слабенькими фонариками, осторожно пробирались по каменистому дну неглубокой расщелины. Уперлись в мощную, дикого камня, дворцовую ограду – она надежно перекрыла промытый за много лет коридор и возвышалась над поверхностью почвы метров на пять.

– Пошли, – Петер включил бодиглайдер, взлетел, неловко раскорячившись, чертыхнулся и исчез. Роберт огляделся, прислушался – все тихо. Лишь из-за стены доносился гогот и ржанье солдатни, охранявшей дворец. С пятиметровой высоты открылась панорама длинного, прихотливо изломанного императорского жилища, густо испятнанная огнями костров.

Ближайшая к ним пристройка, массивный каменный параллелепипед, был темен. Не было у него с этой стороны ни окон, ни дверей, лишь выше фундамента и под карнизом крыши тянулись мелкие отверстия, должно быть, вентиля-

ционные. Именно здесь и находилась заветная дверь.

Промоина за стеной была полусасыпана щебнем, мелким камнем, и всяким строительным мусором – капителями, обломками колонн и фризмов. Иногда в свете фонарика появлялась мраморная кисть или чья-то расколотая пополам голова. Весь этот хлам зарос ползучим кустарником и колючками.

Не стали включать глайдеры, сэкономили питание. Шли осторожно, сломать здесь ногу было левым делом. Похоже, что здесь лет тридцать никто не бывал.

– Странно как-то, – тихонько проговорил Роберт, – императорский дворец и вдруг такая помойка. И что это за необычная пристройка – ни окон, ни дверей.

– Ну, задворки бывают во всех дворцах, что до пристройки, это хранилище всяких реликвий религиозного и мистического характера. Какие-то мумии, истлевшие книги, ковчеги, древние истуканы, посмертные маски и прочая дребедень из той, что никому не нужна, а выбросить жалко.

– В здании три этажа, один-единственный вход сюда изнутри дворца, на первом этаже. Ведет он в какой-то экспозиционный зал, нечто вроде музея, дальше библиотека. Конечно, дверь заблокирована. Хотя, с точки зрения обитателей, в этом нет никакой необходимости, снаружи-то в эту коробку с хламом попасть невозможно.

Роберт вздохнул:

– Господи, ну и тарарам же мы поднимем, весь дворец на-

бит солдатней.

Толстяк беззаботно махнул рукой:

– Это все пустяки, опасней всего сам Алекс, у него бластер.

– Да, парень он умелый и нам с ним придется туго.

– Ну-ну, не преувеличивайте, Роберт. Алекс очень ловок, быстр, силен, но неопытен. А у старого барбоса Петера есть для молодого господина Ратнера много всяких кунштюков.

Саперные лопатки, покрытые кевларом, не издавали скрежета, слышен был только шорох отбрасываемого щебня и постукивание камней.

Передохнули. Роберт вытирал мокрое лицо гигиенической салфеткой:

– Петер, ты не находишь странным поразительные несоответствия в нашей жизни.

– Какие именно?

– Мы можем разнести из бластера порядочный каменный дом, через стену перелетели словно птицы, а щебенку вынуждены ковырять словно тысячу лет назад, лопатой.

Петер рассудительно сказал:

– Ну не подгонять же сюда экскаватор.

Роберт безнадежно махнул рукой, взялся за лопату:

– Поехали, дружище, с юмором у вас просто никуда.

Наконец отрыли дверцу, прятавшуюся в глубине стрельчатой ниши – массивную, дубовую, источенную жуком до

пористости губки. Петер пробормотав «ну, старый взломщик, за дело», лазерным резачком срезал мудреный замок. Посыпались ярко-зеленые искры, и заржавленный кусок железа звякнул о камни. Какое-то время еще понадобилось, чтобы вогнать маленький ломик между дверью и косяком.

Наконец, она, заскрипев, открылась, из темноты дохнул затхлый и пыльный воздух.

Прислушались – тихо, посветили фонариками внутрь – каменный коридор, заросший пыльными фестонами, уходил в темноту. Петер негромко произнес в микрофон:

– Командир, здесь Хольман. Мы входим.

Прошли с десятков шагов, пыльные кружева превратились в сплошную завесу. Хольман, брезгливо сморщившись, смахнул их рукой, пальцы чиркнули по камню. Включил мощный фонарь – тупик.

– Черт, быстро назад!

Кинулись назад, вместо смутно брезжащего проема – такая же стена.

Лицо Петера покрылось крупными каплями пота.

– Командир, мы в ловушке. Каменный мешок.

Шатров ответил мгновенно:

– Длина?

– Шагов десять, не больше.

– Быстро сканируй стены. Толщина?

– От сорока до пятидесяти сантиметров.

– Порода?

– Похоже на гранит.

– О, дьявол!

Всем было ясно: сокрушить стены такой толщины можно было только бластером, а его использовать было нельзя – в замкнутом пространстве мешка выделение тепловой энергии от расплавленного камня было бы настолько высоким, что можно было моментально испечься.

Пронзительно пискнул сигнал и замигал алый индикатор на наручных часах Роберта. Петер взял его за руку, взглянул на дисплей: «частота пульса – 92, кровяное давление – 140-190, температура – 38,7. Внимание: стресс!»

Хольман мягко сказал:

– Успокойтесь, Роберт. Мы выкарабкаемся, это еще не самое страшное из того, что вам предстоит пройти.

– Командир, Хольман. Что будем делать?

– Петер, возможны два варианта. Аборигены, будь они в одиночестве, просто уморили бы вас в этом мешке. Ратнер не дурак и отлично понимает, что не стоит долго держать вас в ловушке – мы просто разнесем к чертовой матери всю его столицу вместе с ним. Теперь уже не до карьерных и дипломатических соображений – десантники своих не бросают. Думаю, он собирается использовать вас в качестве заложников, чтобы добиться выполнения своих требований.

– Это почти одно и то же. Его требования невыполнимы, поэтому он уберет вначале одного, потом другого.

– Вы правы, Петер. Но для начала ему придется вас выпустить, а это главное. Кстати, воздуха вам хватает?

– Вдоль стен под потолком пробиты мелкие отверстия для вентиляции. Заботливые.

– Петер, пользуйтесь только закрытыми частотами, у Ратнера еще не иссякли аккумуляторы рации.

Томительно тянулось время. Петер, поджав ноги, пытался медитировать. Роберт, не в силах справиться с собой, мерил шагами тесный мешок. Хольман недовольно сказал:

– Роберт, вы не могли бы перестать ходить? Подняли пылицу, дышать нечем.

Полянски пробормотал:

– Извините, дружище, не могу успокоиться.

Взглянул на дисплей часов:

– Черт, уже два часа здесь сидим.

В вентиляционных отверстиях замигали тусклые красные отблески, потом впереди, у самого пола, задрожала полоса неяркого света.

Голос Ратнера спокойно произнес:

– Алло, Петер, Роберт. Сейчас поднимут плиту, и к вам войдет мой человек. Вы разденетесь, – он хмыкнул, – до трусов. Человек проследит, чтобы вы неукоснительно и правильно выполнили мое приказание. Затем вы все вместе выйдете. Если не появитесь через три минуты, я прикажу опустить плиту, на этот раз навсегда. Раба мне не жаль, пусть

он вам составит компанию.

Петер, переключив частоту, торопливо и негромко заговорил, отвернувшись от расширяющегося отверстия:

– Командир, здесь Хольман. Алекс заставляет нас раздеться и выйти из ловушки.

– Сию же минуту проглотите маячки, в этом ваше спасение. Ратнер не знает о них, он хоть и император, а все-таки сержант. Затем выполняйте его требования.

Хольман торопливо вытряхнул из капсулы (на ней не было никакой надписи) две розовых, обычного вида, таблетки, одну сунул в рот, вторую протянул Роберту. В расширившееся отверстие пробрался огромный мускулистый человек в одной набедренной повязке. Он сильно сощурился от яркого света фонаря, недовольно промычал что-то и взмахнул рукой: давай-де, не тяни. Десантники быстро разделись, раб деловито сгреб их амуницию и подтолкнул к выходу. Петер невесело ухмыльнулся:

– Ну что ж, «девочки – в зал!». Идемте, Роберт.

Они, согнувшись, пролезли под плитой.

Кирпичные своды, подпираемые невысокими колоннами, тонули в зыбком полумраке. Неровный колеблющийся свет факелов выхватывал из темноты резной край какой-то гробницы, кучи заржавленного оружия, мумию в стеклянном футляре, истлевшее тряпье, бывшее когда-то государственными знаменами. Факела плохо горели в спертom воздухе, ча-

дили, оставляя жирные пятна копоти на древних сводах.

В окружении двух десятков арбалетчиков стоял Алекс. Мерцающее пламя окрасило его белую мантию в красноватый цвет, на голове тонкий венец из золотых переплетающихся листьев.

Петер не узнал его: государственной строгости взгляд пронизывал насквозь, от одухотворенного лица исходила мощь и сила незаурядной личности.

Хольман вздохнул:

– Я вижу, вы заняли, наконец, свое место, Алекс. Мне жаль, что это вызвало серьезный конфликт почти планетарного масштаба.

Ратнер заговорил, голос его тоже изменился, стал властным и глубоким:

– Я не нуждаюсь в ваших извинениях, Хольман. И бросьте всякую дипломатию, у вас это плохо получается. Никакие слова не скроют ваших намерений – вы пришли силой захватить меня, если не получится – убить.

– А с чего это ты решил, что мы скрываем свои намерения? – голос Роберта дрожал от злости: стоять в трусах перед беглым сержантом было унижительно. Американец не испытывал никакого почтения к Ратнеру в новой роли. По молодости и неопытности он не заметил особенных перемен в беглеце и воспринимал его поведение как обычную наглость удачливого дезертира.

– У капрала прорезался голосок? – Алекс иронически

улыбнулся. – Я тоже не скрываю своих намерений: кое-что потребовать у ваших боссов. Если мои требования не будут выполнены, прикажу убить вначале одного, затем другого.

– Какая тонкость чувств! Я тебя тоже люблю, сержант.

Хольман внимательно и заинтересованно смотрел на Ратнера.

– Вы этого не сделаете, Алекс.

– Сделаю, камрад Хольман, сделаю.

– Вы меня не поняли. Я не сомневаюсь в вашей готовности расправиться с нами. Я о другом: вы случайно попали в пустую ячейку и решили, что это десница Господня. Но всевышний сыграл с вами скверную шутку – вы оказались горошиной в жерновах двух цивилизаций. Боюсь, вам не дотянуть до утра.

– Ба, сентиментальный старина Петер стал философом? У вас обострились умственные способности?

Хольман равнодушно пожал плечами:

– Если сопливый сержант-десантник в одночасье становится императором, отчего бы старине Хольману не пофилософствовать?

Ратнер стиснул зубы, под тонкой кожей заходили желваки.

– Довольно болтать, вперед! И не вздумайте делать резких движений, эти ребята, – он указал на злобно сопящих арбалетчиков, – моментально сделают из вас дикобразов.

Стрелки ярились давно. Разговора они не понимали, но видели, что эти двое в странных зеленых набедренныхниках го-

сударя презирают. Уже за это их нужно было убить сразу. А тут еще тетивы долго приходилось держать натянутыми. Делались они, как известно, в местечке Хэт только для императорских стрелков. Поставщик драл за них такие деньги (а их, заметьте, приходилось платить из собственного жалованья), словно скручивал тетивы не из воловьих жил, а вытягивал эти жилы из волшебной лани, что бежала всегда у левой ноги светлоликой Ассаи. Поэтому оба десятка стрелков мечтали об указующем взмахе императорской руки. С такого близкого расстояния толстая арбалетная стрела пробивает человека навывлет.

Алекс медленно снял венец, сбросил мантию, оставшись в майке и шортах. Надел португепю Роберта с кобурой бластера. Он ощущал постепенно усиливающуюся безысходность. Похоже, проклятый Хольман был прав со своими мрачными предсказаниями. Казалось бы, победа сейчас за ним, счет два ноль в его пользу. Но за короткое время своей службы он отчетливо понял, что это был за народ – десантники: нерассуждающие, действовавшие рефлексивно, со свирепой бульдожьей хваткой, ставящие свою кастовость превыше всего на свете. Он пошел против них – теперь должен или оказаться в наручниках, или быть уничтоженным. И пока кто-то из них жив, он будет добиваться этого до последнего.

Бросил дежурному офицеру:

– Постерегите их, – и пошел к выходу через залы музея.

Вышел. Над Астуром сияло утро. Воздух был насыщен запа-

хом молодой листвы и влажной почвы – особенным утренним ароматом. Солнечные лучи широкими стрелами пробивались сквозь нежную дымку. Вдалеке, за бронзовой решеткой уже толпились любопытные, жаждавшие взглянуть на необыкновенного государя. К прутьям решетки прижалась девушка в ярко-алом плаще. Вокруг нее многозначительно шептались:

– Фона! Это ее обласкал и наградил Посланник. Посвященная. Она посвятила себя Посланнику, видишь, в красном.

– Третьего дня, пошла посвящаться в храм Кумата-Вседержителя. Жрец, было, заартачился: нет, говорит, такого бога. А Фона, слышь, ему отрезала: это, говорит, оттого, что ты свою толстую задницу от ложа не отрываешь. А народ, говорит, давно его за бога признал.

Фона, не слушая шепотков, напряженно вглядывалась в дворцовые двери: а вдруг увижу?

Увидела. Вокруг заговорили:

– Наш император. Вот он, глядите, Посланник. Рукой нам машет. – Толпа заревела.

Алекс молча смотрел на каменные плиты площади. Как преодолеть эти проклятые семьдесят метров от музейного крыла до тюремного блока? Ощущение безысходности усиливалось. В здании музея пленников нельзя было оставлять никак – сам он не мог караулить их, на охрану надежды мало. Коллеги, надо отдать им должное, чрезвычайно опасны.

Обвести вокруг пальца местных простодыр им не составит никакого труда. Выход один – усадить их в надежную камеру и заковать в кандалы. Тут уж они не выкрутятся. Но для этого нужно пройти семьдесят метров.

Если бы он привел для охраны Хольмана и Полянски целый коур, это ничего бы не дало. Только больше трупов и неразберихи. Проклятый конопатый ирландец где-то здесь, может, за стеной, может в купах деревьев. Включил «хамелеон» и не видно ничего. Маревое какое-то в этом месте, воздух дрожит и все. Как вот этот зонд-корректор, что торчит в зените. Но его хоть немного видно, солнце еще низко. Ничего он не продумал и не предусмотрел – одного ума мало, оказывается, опыт еще нужен.

Он понял, что Хольман оказался совершенно прав – не в состоянии один человек так круто повернуть историю целой планеты, этого нельзя делать. Поздно понял, поздно. Его душила злоба на несправедливость мирового порядка, как все хорошо пошло, и на тебе...

Вытащил из кобуры бластер, из футляра на портупее оптический прицел, прицелкнул его, тщательно прицелился.

Ослепительный луч на мгновение протянулся к плавающему наверху блюдцу, оно вспыхнуло, рассыпаясь обломками. Забарабанило по крыше, потянулись дымки. Через площадь лупил ошалевший управляющий, остановился – не мог отдышаться. Алекс мотнул головой:

– Пошли рабов на крышу, пусть зальют обломки водой и

приберутся.

Сейчас О'Ливи насторожился, площадь ему уже не видна, а Шатрову, чтобы поднять очередной зонд, необходимо время. Момент, наверное, самый благоприятный. За спиной, как приклеенные стояли два солдата из личной охраны.

Внятно сказал одному:

– Вели офицеру вести пленников через площадь к тюремному крылу. Пусть арбалетчики построятся дугой, чтобы в случае чего не перестреляли друг друга. И бегом, быстро-быстро.

Солдат убежал, бухая сандалиями. Император вложил два пальца в рот и пронзительно свистнул (этому его умению много дивились окружающие) дворцовому гаруссу, стоявшему у входа в тюремное крыло. Тот согласно кивнул: понял-де, и к музейной двери потянулись, растягиваясь, две колонны охранников. Главное, народу побольше, чтобы запутать ирландца. Господи, а дальше-то что? Озлобленный О'Ливи, ни секунды не колеблясь, может устроить на площади мясорубку. Что он, Алекс, может противопоставить конопатому? Лезть с бластером на боевой глайдер с его силикетовой броней, защитными экранами и форсированным полем все равно, что пытаться убить разъяренного слона из пневматического ружья. Но раздумывать уже некогда: пленники быстро (хотя и неохотно) шагали в центре полудуги арбалетчиков.

Сбылись самых худшие опасения Алекса: глайдер появил-

ся едва ли не над головами Петера и Роберта. Те, мгновенно распластались на каменных плитах. Хлопнули створки носового каземата, загудели сервоприводы турельной «спарки» и дымные лучи аккуратно разрезали две трети арбалетчиков пополам. Оставшиеся в живых, сломя голову, бросились врассыпную. Да и то сказать – какой уж тут император, какой Посланник? Мерзко воняло горелым мясом, смрадный дым расплывался слоями.

Глайдер опустился, завис в полуметре от плит площади. Крылом поднялась бортовая дверь, в открытую форточку высунулась конопатая, такая родная рожа, ослабилась:

– Эй, бесштанная десантура, такси подано!

Ввалились в отсек, дверь захлопнулась. Патрик заложил широкую циркуляцию, лицо его в обзорном зеркале злобно ощерилось:

– Дело всегда нужно доводить до конца, – пробормотал он, лоя в прицел понурившуюся фигурку императора всея Астура. Щелкнул переключателем режимов, вспыхнул синий транспарант готовности главного калибра.

Заревел раскаленный воздух, по дворцовой площади пронесся огненный ураган, унося, словно пух, обуглившиеся останки императора и тех, кто не успел убежать. Вздрыбились древние плиты, вскипающая лавой расселина прошла под тюремным крылом. Оно переломилось пополам и сползло в лавовое озеро. Вспыхнули сады, обезумевшие люди разбежались, словно тараканы.

Патрик отпустил гашетку и заложил крутой вираж. Система привязки продолжала автоматически разворачивать турель в сторону последней цели. На экране, в режиме поиска, с задержкой в четверть секунды появлялись кадры: кипящее огнем озеро, горящие деревья и одинокая женщина у бронзовой решетки – она, подняв руки, посылала проклятия убийцам. Алое пятно в центре экрана продержалось еще секунду, потом на синем фоне появилась надпись: «Цель утеряна. Новых данных нет. Стрельба окончена, каземат закрыт».